

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА «ВЕЕРНОГО СДВИГА» ОКНА ДИСКУРСА В ИНФОРМАЦИОННО-КОНСЦИЕНТАЛЬНОЙ КАМПАНИИ

**Статья вторая: О роли и значимости ментальных репрезентаций в
консциентальном типе информационного воздействия вбросов
материала «Панамагейт»**

А.А. Романов, Л.А. Романова, О.Н. Морозова

В статье анализируется механизм распространения в информационном пространстве сенсационных материалов, направленных на подрыв репутационного капитала государственных деятелей, политиков, звезд кино и спорта. Раскрыты коммуникативные приёмы эффективной защиты и отражения от «вирусных» информационных атак. Описана регулятивная схема-модель программирующего распространения и формирования дикурсивно-тематического содержания материалов консциентальной кампании «Панамагейт».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «вирусная» информация, информационная атака, коммуникативно-медийная технология «веерного сдвига», консциентальное воздействие, консциентальная кампания, ментальная репрезентация, «окно дискурса», паттерн, спин-докторинговая технология, технология информационного воздействия

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций (ТИПЛиМК) ТГСХА, заслуженный деятель науки РФ. romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ТГСХА. romanov_tgsha@mail.ru

МОРОЗОВА Оксана Николаевна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой связи с общественностью, доцент кафедры

государственного управления Тверского государственного университета.
mirlic@rambler.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья вторая: О роли и значимости ментальных репрезентаций в консциентальном типе информационного воздействия вбросов материала «Панамагейт» // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 4. С. 1–66. Режим доступа: www.tverlingua.ru

FUNCTIONAL SPECIFICITY OF THE "FAN SHIFT" OF THE WINDOW OF DISCOURSE IN THE INFORMATIVE AND CONSCIENTAL CAMPAIGN

The second article: About the role and significance of mental representations in the consecutive type of informative impact of the material injections "Panamagate"

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova, Oksana N. Morozova

The article analyzes the mechanism of dissemination in the informative space of sensational materials aimed at undermining the reputational capital of statesmen, politicians, movie stars and sports. Communicative methods of effective protection and reflection from "viral" information attacks are disclosed. A regulating scheme-model for programming the distribution and formation of a discursive and thematic content of the materials of consecutive campaign "Panamagate" is described.

KEY WORDS: "virus" information, informative attack, communicative and media technology of "fan shift", consciental impact, consciental campaign, mental representation, "window of discourse", pattern, spin-doctoring technology, technology of informative impact

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, professor, Head of the chair of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State

Agricultural Academy, Honored scientist of the Russian Federation.
romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, professor, professor of the chair of the chair of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. romanov_tgsha@mail.ru

MOROZOVA Oksana N. – DSc in Philology, docent, Head of the chair of public communication, docent of chair of government control of Tver State University. mirlic@rambler.ru

Citation: Romanov A.A., Romanova L.A., Morozova O.N. Functional specificity of the "fan shift" of the window of discourse in the informative and consiental campaign. The second article: About the role and significance of mental representations in the consecutive type of informative impact of the material injections "Panamagate"// World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 4. P. 1–66. Access mode: www.tverlingua.ru

*Мы должны извлечь уроки
из полученного нами опыта,
если мы надеемся хоть когда-нибудь
обрести власть над языком,
с помощью которого
на нас оказывают влияние.*
Д. Рашкофф

*Возникает новая форма политики,
причем такими путями, которых
мы ещё не заметили.*
Г.М. Маклюэн

Технологической разновидностью коммуникативных механизмов (подробнее о таких механизмах см. первую статью в: Романов, Романова, 2017a; 2017) по передаче переформатирующих сознание смыслов в развертывании и осуществлении подрывных информационно-консциентальных кампаний (также: «интервенций», «атак», «шумов»),

«вбросов», «волн» и т.п.) является, по нашему мнению, манипулятивная технология **”всерного сдвига” «окна дискурса»**, призванная активизировать массового адресата на реализацию различного рода действий, которые способны «привести к принятию решений, детерминирующих эти процессы» в пользу их бенефициара (инициатора, заказчика, манипулятора, «режиссера»). Функциональную специфику названной технологии, частично описанной в работах Тверской школы динамической модели регулятивной коммуникации (см.: Романов, 1988; 2002; 2004; 2015; 2016; 2016*a*; 2016*б*; 2016*в*; 2017; 2017*a*; 2017*б*; Романов, Малышева, 2015; 2016; Романов, Новоселова, 2015; 2016; Романов, Романова, 2015; 2015*a*; 2016; 2017; Романов, Романова, Морозова, 2015; 2015*a*; 2015*б*; Romanov, Romanova, Novoselova, 2015; Romanov, Romanova, 2017), можно показать на примере массивированного информационного «вброса» материалов под названием «Панамагейт» в сетях различных СМИ. Заметим, что анализ этого примера может послужить одним из рекомендуемых вариантов противоборства против «срежиссированных» информационных атак, которые, как можно легко увидеть на моделях действия лучников у Лукиана из Самосаты, осуществляются по заданным шаблонам, лекалам, образцам и схемам (подробнее см.: Романов, 2002: 67-68; Романов, Романова, 2017*a*).

О возможном «боевом настрое» указанных «вбросов» («атак», «баталий», «бомбардировок смыслами», «войн», «дуэлей», информационных «интервенций») ещё в 60-х годах прошлого века предсказывал Герберт Маршалл Маклюэн (2004: 346-347; см. также: 2003), отмечавший, что **«реальная тотальная война стала информационной войной. В ней сражаются при помощи *утонченных* информационных средств»** как в условиях «холодной войны», так и постоянно». Специфика такой войны проявляется, по его мнению, в том, что «наш сформированный электроникой мир вынудил нас отойти от привычки классифицировать факты и способы узнавания по типам». Поэтому сегодня «общественная жизнь зависит в большей мере от **характера средств**, при помощи которых люди

поддерживают между собой связь, чем от *содержания их сообщений*. Не зная действия средств коммуникации, невозможно понять общественные и культурные изменения» (Маклюэн, 2004: 341; см. также: Тоффлер, 2010; *п/ж курсив* – наш).

В качестве исходной основы информационной «интервенции» в приводимом примере документального массива «Панамагейт» была выбрана одна из «срежиссированных» разновидностей существующего множества информационно-консциентальных попыток быстрого и эффективного внедрения («вброса») в массовое – мировое и, естественно, российское – сознание идеи (мема, регулятива) под общим и, на первый взгляд, безобидным, нейтральным названием «*Панамские документы*», чтобы под благовидным предлогом борьбы с коррупцией за чистоту, прозрачность финансовых потоков и капитала, за честность в обществе ознакомить общественность с содержанием некоторых финансовых документов, относящихся к зарегистрированным в оффшорной зоне Панамы фирмам и компаниям.

Однако, как вскоре стало очевидным, простое информирование о содержании этих документов было далеко от благородной задачи. Как оказалось, основная цель публикации панамских документов сводилась к тому, чтобы, используя коннотативную окраску словосочетания «оффшорная зона»,

- выставить в неприглядном свете людей, компании и государства, каким-либо образом упомянутых в этих документах, а также
- опорочить их репутацию и подорвать доверие общества к конкретным персоналиям и к странам соответственно с целью
- лишить их ресурсов (политических, экономических, моральных), от которых зависит оппонент (персональный конкурент, соперник, конкретный противник или определенная страна), чтобы таким образом
- осуществить в информационном пространстве своё доминирующее влияние над ними и при помощи определенных методов, например,

санкционного давления, создания протестных движений или всеобщего осуждения и остракизма,

– подорвать и дискредитировать основную стратегию выживания конкретной противоборствующей стороны.

В качестве **информационного «тарана»** был выбран приём создания в сетевых СМИ «срежиссированного» по определенному фреймовому сценарию фактуального дискурсивного пространства, именуемого в начале информационной интервенции «Панамскими документами / Панамскими бумагами». Очевидно, что, опираясь на «ассоциативную («условнорефлекторную»), в терминологии Л.С. Выготского (1982: 104), связь» логического отношения части и целого, инициаторы **интервенционного дискурса** попытались перенести эту связь на отношения между частью и целым, где по задуманному сценарию в качестве первого компонента должны быть представлены один или несколько человек, имеющих значимое и статусное положение в обществе и стране (т.е. «фигура на фоне»), а в качестве второго компонента или «фона» – сама страна, само общество, которое связано с его частью (т.е. важными и значимыми персонами) общим признаком. Другими словами, если первой части (персонам) будут приписаны негативные признаки, то, следовательно, эти признаки «ассоциативно или условнорефлекторно» переносятся и на целое, т.е. на общество и на страну.

В контексте сказанного важно подчеркнуть, что информационно-консциентальная кампания, связанная с интервенционным «вбросом» массива «Панамских документов / Панамских бумаг», в общих чертах практически повторяет предложенную Лукианом из Самосаты программу поэтапного (1–5 этапы) порождения и достижения результирующего воздействия на консциентальную сферу «мишени» (т.е. «души человека»). Учитывая это, представляется возможным проинтерпретировать дискурсивное пространство данной кампании с учетом значимости тех или иных этапов программы Лукиана (см.: Романов, Романова, 2017a). Но при этом также

важно иметь в виду возможность использовать наличие стратегических дефензивных контрдействий атакованной стороны и учитывать специфику их направленности на упреждение и отражение коммуникативных действий-практик атакующего противника, чтобы свести к минимальному риску возможность поражающего влияния. Содержательную сторону медийных материалов информационной «интервенции» и общую характеристику этапов развертывания программы «веерного сдвига» дискурсивного воздействия, направленного на перестроение концентриального пространства (сферы) массового адресата, можно представить в виде матричных конститuentов программы поэтапного, по Лукиану, порождения и достижения результирующего эффекта такого воздействия.

Первый этап – этап предварительной (до-спиновой) подготовки, включающий анализ и обработку глобального медийного информационного пространства для выбора базового гиперфрейма или «фрейма-матки» («маточного фрейма») для его запуска (вброса) в медийное пространство с целью зондирования последующей интенсивной информационной раскрутки и дальнейшего успешного (меметического, регулятивного) внедрения в массовое сознание противоборствующей стороны.

Цель указанной информационно-концентриальной кампании – подорвать репутацию к значимому и известному объекту атаки («мишени») с тем, чтобы

а) *лишить ресурсов*, от которых объект в какой-либо мере зависит финансово, политически, духовно и репутационно,

б) *уменьшить его влияние* как авторитетной личности (политика, руководителя, ученого, профессионала, спортсмена и т.п.) в мире, в своей стране, в известных политических кругах, в сфере своей профессиональной деятельности, в информационном пространстве и

в) *разрушить доверие* в мире к стране, которая, имея таких «отрицательно значимых», по замыслу «режиссеров» атаки, лидеров и

политиков, не достойна никакой ресурсной и морально-нравственной поддержки, а только заслуживает наказания в виде санкционного давления.

Важно иметь в виду, что специфика внедрения в медийную инфосферу массового сознания материалов «Панамских документов», подаваемых во фреймовой репрезентации в виде «оффшорного скандала», заключается в том, что изначально эти материалы именовались в информационном пространстве нейтрально как «оффшорные документы» или «Панамские документы». Однако позже – на определенном “веерном сдвиге” реформатирования дискурсивного «окна» – эти документы получили названия «оффшорного скандала» и «Панама-гейт» с сопутствующей негативной коннотацией. При этом нельзя не увидеть, что внедрение в инфосферу массового сознания материалов «оффшорного скандала» с негативной коннотацией начинается уже с *предварительного этапа*, а именно – с *этапа формирования* медийными средствами вербально-доксального пространства дискурсивной реальности «оффшорный скандал». Также нельзя не увидеть и спин-докторинговую (заказную) природу того факта, что информационные атаки, как *по команде*, начались в одно и то же время – 3 апреля 2016 года – и из *единого центра*. А, как известно, такая синхронность является одним из значимых признаков «срежиссированного» (специально организованного) вброса бенефициарной (заказной) информации.

Тем не менее, внезапного информационного «взрыва», который мог бы спровоцировать (породить) чувства возмущения, негодования или протестные акции в массовой среде российского населения, *не получилось*, потому что за несколько дней до предполагаемых информационных атак (т.е. 28 марта) пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков вдруг сделал упреждающее заявление по поводу ожидаемого информационного «вброса» (<https://www.vedo-mosti.ru/politics/articles/2016/03/28/635377-vbrosov-agitok-kremlya>; <http://regnum.ru/news/2106592.html>).

Другими словами, пресс-секретарь Д. Песков упредил интервенционный «вброс» негативных материалов и таким образом сам проинформировал массовую аудиторию о предполагаемой (вероятной) информационной атаке, тем самым лишив инициаторов информационной волны «эффекта неожиданности» и последующего развития *«необычайного соотношения чувственных восприятий»*, по Г. Маклюэну (2004: 341), такого воздействующего резонанса, результатом которого могло быть «расширение любого чувства» с целью «изменения мышления и восприятия мира» массовым адресатом. Очевидно, что конечная цель такого «расширения» сводилась к тому, чтобы изменить отношение людей к содержанию информации, к фигурантам данных материалов и побудить массы выразить публично своё отношение в виде возмущений или открытых протестных акций, ибо, как утверждал Маклюэн, «когда изменяются эти соотношения, изменяются и люди» (там же, с. 341).

Выбор **каналов** распространения дефензивной информации от Пескова: **федеральный**.

Тематические пространства предполагаемого пропозиционного содержания (р) в инфоматериалах в оценках пресс-секретаря: *ложь*, что *р*; *обман*, что *р*; *клевета*, что *р*.

Технология: *снижение доверия к источнику* информации, распространяющего «Панамские документы» с любым названием – от «оффшорного скандала» до «Панамагейт».

Используемый **инструмент** в виде гиперфрейма или «маточного» фрейма «**Недрузи**» с дальнейшей раскруткой субфрейма «**Конкретные враги**» (американцы, западные «партнеры», «англосаксы») как *источник агрессивной атаки*.

Маркеры, которые вербально очерчивают функциональную направленность задействованных тематических пространств:

– типовая характеристика подачи (внедрения): *информационный «вброс»*,

– исполнитель – организация «Международный консорциум журналистских расследований» – один из проектов американского НКО «Центр за честность в обществе»,

– «опусы»,

– «экзерсисы»,

– «вброс, претендующий на объективность и сенсационность»,

– елейно-любезные запросы в допросной манере,

– «срежиссировать и состряпать».

Итак, пресс-секретарь президента РФ, выступая 26 марта на канале ТВЦ (т.е. буквально за несколько дней до начала информационной атаки), заявил следующее:

«Говорят, у России сейчас плохой имидж в мире. А вы знаете, у кого сейчас тоже плохой имидж в мире? У США. Сейчас **мы находимся в состоянии информационной войны** с законодателями моды в информационном пространстве, прежде всего, *с англосаксами, их СМИ*. [...]. *В таких условиях заниматься имиджевыми делами вряд ли целесообразно*, речь идёт о **пропаганде и контрпропаганде** в хорошем смысле этого слова».

Используя дефензивную стратегию «упреждения», Дмитрий Песков при помощи оценочной лексики – «*вброс, опус, экзерсис, елейно-любезный, допросная манера*» – оказывает определенное влияние на восприятие информационных материалов, которые ещё не опубликованы, но которые, по его мнению, могут быть опубликованы. Тем самым он *заранее формирует* необходимое негативное отношение к ним и *сводит к минимуму* результирующий эффект неожиданности и новостной свежести последующих публикаций. В своем заявлении пресс-секретарь как бы предупредил массового адресата о «фейковой» природе готовящихся к публикации материалов, которые следует воспринимать массовому адресату как *заказные, не внушающие доверия, откровенно лживые, намеренно вводящие в заблуждение* и поэтому *не заслуживающие внимания и обсуждения* (А чего же еще можно ждать от противника, т.е. если исходить

из актуализированной фреймовой конфигурации – врага, с которым «мы находимся в состоянии информационной войны»?!). Совершенно очевидно, что, используя технологию “веерного сдвига” «окна дискурса», пресс-секретарь Президента России суживает таким приемом тематическое пространство предполагаемых материалов и предлагает свои оценки и свою интерпретацию этих материалов (о «моделях сужения и расширения дискурсивного пространства» подробнее см.: Романов, 2015; 2016б; 2016в; 2017; 2017б; Романов, Романова, 2015; 2015а; 2016; 2017; Романов, Романова, Новоселова, 2015; 2016б).

Больше того, деятельность возможного источника информационной атаки характеризуется употреблением глаголов «срежиссировать», «состряпать» и «внедрить» с актуализацией основных сем – *торопливость, грубая работа, непродуманная, несерьезная работа, на нее жалко тратить время*. Примечательно, что использование глагола «говорят» в безличной форме также придает некоторый оттенок недоверности (доксальности) всему высказыванию: ср.: «*Говорят, у России сейчас плохой имидж в мире*».

Характеристика *англосаксов* как законодателей моды в *информационном пространстве* может быть интерпретирована следующим образом: Они (*англосаксы*) **большие специалисты по информационным вбросам**, потому что они делали и делают это постоянно. И как результирующий вывод: оправдать использования пропагандистских и контрпропагандистских методов как единственного и закономерного (в условиях ведения «информационной войны») средства защиты в информационном противостоянии.

Отказ пресс-секретаря от ответов на предложенные вопросы еще больше усиливает влияние выявленных тематических блоков – **бессмысленно и недостойно** отвечать на откровенную *ложь, клевету и откровенные вбросы*.

Любопытен приведенный ниже текстовый массив (1-4) информационных посланий, в котором раскрывается функционирование

механизма «сужения туннельного пространства» дискурсивной реальности фреймового знака-конструкта «**обвинение**» при использовании смещения фокуса внимания (погружения) «дискурсивного окна» в рамках информативно-коммуникативного взаимодействия собеседников:

(1) По словам Пескова, пресс-служба Кремля получила запросы от организации «Международный консорциум журналистских расследований», одного из проектов американского НКО «Центр за честность в обществе». Судя по этим запросам, организация собирается «опубликовать опусы» в ряде стран – в том числе ФРГ, США, Великобритании, Франции, Швейцарии и России.

"Используются нечистоплотные приемы в попытке дискредитировать руководство нашей страны, в первую очередь президента Путина, – заявил он. – Должен сказать, эффективность этих информационных атак не очень высока, но, тем не менее, товарищи работают по хорошо подготовленным схемам. Эти экзерсисы продолжаются, очередной информационный вброс, претендующий на объективность и информационность, появится в ближайшие дни".

Экзерсисы продолжаются. Очередной информационный вброс, претендующий на объективность и сенсационность, готовится в ближайшие дни. [...] Мы получили весьма такие елейно-любезные запросы, составленные в такой допросной манере.

Дмитрий Песков, пресс-секретарь президента РФ

(2) Отвечать на каждый из этих вопросов – многие из них составлены в допросной манере – конечно, невозможно. Я знаю, что многие бизнес-структуры получили запросы аналогичного содержания от этой же группы товарищей. Не знаю, будут ли они как-то юридически отвечать, хотя вы знаете, что у бизнес-структур более конкретный юридический подход, но, конечно, на такие вопросы мы отвечать не будем.

Дмитрий Песков, пресс-секретарь президента РФ

(3) *«Речь идет о нежелании заниматься какими-то объективными расследованиями, а стоит задача выполнить информационную атаку, срежиссировать, состряпать и внедрить в информационную повестку дня. Нам это не нравится», – пояснил пресс-секретарь президента.*

Подробности: <http://regnum.ru/news/2106592.html>

(4) *«Речь идет о Путине лично, о попытках добраться до его семьи, речь идет о друзьях детства, о бизнесменах (Ковальчук, Ротенберг), о каких-то офшорных компаниях, о бизнесменах, которых Путин и в глаза не видел. Все это было уже неоднократно, в разных вариациях, **несмотря на это, готовится очередное повторение**», – рассказал Песков.*

Подробности: <http://rusvesna.su/news/1459166482>

Таким образом, приведенный вербальный массив наглядно показывает, что в своём *большинстве* использованные *речевые маркеры* эксплицируются автором для того, чтобы показать и доказать массовому адресату следующее: *необходимо / следует с осторожностью относиться к поступающей информации о «панамских бумагах», так как в случае предполагаемого информативного «вброса» не нужно забывать, что доверять полностью поступающей информации нельзя.* И, как показала практика, Д. Песков, применив дефензивную стратегию, эффективно реализовал коммуникативную *технологию «снижение доверия к источнику»* поступающей информации.

Открытое предупреждение о готовящейся информационной атаке – это распространенная тактика до-спиновой обработки информационного пространства. Подобным образом массовая аудитория подготавливается к будущему событию (см., например, подробнее о спин-докторинговой технологии работы авторов в архиве настоящего журнала за 2012-2016 годы). Задача спин-доктора, нередко именуемого как «спин» (от англ. «spin» – «поворот информации в нужном, предпочтительном – preferred – направлении, в нужном смысле; кручение смысла») и рассматриваемого в качестве разновидности технологии «окна дискурса», не столько сводится к

простому сообщению о возможности получения какой-либо информации, сколько имеет своей целью придать определенный вектор её восприятия при получении, чтобы аудитория была готова (заранее подготовлена) оценить будущий информационный материал как *лживый, недостоверный, клеветнический, нацеленный на разрушение* имиджа Президента РФ и России, а также – *на ухудшение* ситуации в стране в целом накануне предстоящих выборов.

Прохождение предварительного этапа формирования медийными средствами (см. тексты 1–4) вербально-доксального пространства дискурсивной реальности под названием «*оффшорный скандал*» можно считать удачным, так как при его реализации *были актуализированы* запланированные фреймы и *подготовлена почва* для восприятия источника будущей информации как недостоверного и субъективного (технология «снижение доверия к источнику»). Можно предположить, что внимание общественности, заранее привлеченное к материалам «*Панамского архива*», именуемым позднее как «*Панамские документы*», «*Оффшорный скандал*», «*Панама-гейт*», способствовало усилению общей информационной напряженности и концентрации противоборствующих России сил, а с учетом прогнозов на дальнейшее развитие событий *дало основание признать* выбранную стратегию *не вполне оптимальным вариантом*, ибо на этом этапе точно спрогнозировать силу и качество (т.е. содержательную сторону) информационной атаки не представлялось возможным.

Таким образом, общая характеристика **первого этапа** определяется через раскрытие определенных **преимуществ**:

- создание предполагаемого информационно-дискурсивного пространства с четко очерченными фреймами восприятия,
- подготовка массового сознания к восприятию информационно-дискурсивного пространства с определенным смысловым наполнением и интерпретацией,

– сужение информационно-дискурсивного пространства в одной (конусной) точки дискурсивного туннельного знака-конструкта «выдуманное, лживое обвинение»

и конкретных *недостатков*:

– привлечение внимания к предстоящему (в будущем) событию, отраженному в информационно-дискурсивном пространстве,

– возможность для инициаторов информационного пространства и их противников заранее подготовить почву для развития дальнейших интерпретаций в будущем на основе имеющейся, но ограниченной информации: информационно-фейковые атаки на Президента РФ, его родных, близких, друзей, коллег по работе, окружение президента, а также оффшоры, бизнесмены.

Второй этап включает в себе **формирование непосредственного содержания** (семантического пространства) **информационной атаки**, которое обозначается «внезапным» появлением серийных публикаций в западной прессе по поводу оффшорной зоны в Панаме. Такой серийный поток публикаций должен привести, по замыслам «заказчика» или бенефициара, к расширенному “сдвигу” в оценках подаваемой информации (т.е. к использованию «расширенной модели Б» поворота «вверного сдвига» дискурсивного «окна», по: Романов, 2017; Романов, Романова, 2017; Romanov, Romanova, 2017) и превращению материалов с относительно нейтральной оценки массива «Панамские документы» в скандально-обвинительные «оффшоры», а затем и в последующие «преступные» материалы, которые уже тематически объединяются под одним общим названием «Панамагейт» (<https://www.occrp.org/ru/home/40-press-releases/presss-releases/5112-icij-occrp-panama-pa-pers-project-yields-unprecedented-access-to-high-level-offshore-corrup-tion>).

Любопытно отметить, что в лексикографических описаниях английское существительное «**gate**» встречается достаточно часто и насчитывает около 276 употреблений в различных, – например, в авиационной, автомобильной,

архитектурной, банковской, военной, журналистской, судостроительной и многих других – сферах жизнедеятельности общества. Однако существительное «**gate**» («-гейт») как вторая часть сложного слова («Панамагейт») в журналистской сфере словоупотребления приобрело, по аналогии с Water-gate (Уотергейт), специфическое значение: «скандал, возникший из-за скрываемого преступления или других неправомерных действий со стороны официальных лиц или учреждений».

Очевидно, что добавление лексемы «-**gate**» («-гейт») к упомянутому документальному массиву привело к расширению функционально-тематического пространства информационного вброса от отправного понятия «Панамские документы», «Панамский архив», «Оффшорный скандал» до расширенного понятия «Оффшоры. Вскрытие» и, наконец, до более объёмного понятия «Панамагейт». Также очевидно, что расширение осуществлялось посредством точно рассчитанной технологии «веерного сдвига» дискурсивного «окна», направленного на выборочный информационный массив «Панамских материалов», связанный с упомянутыми в них персонами из России. Поэтому «срежиссированный» «сдвиг» дискурсивного «окна» в указанной последовательности и заданном направлении позволил с помощью различных коммуникативных практик СМИ сфокусировать взаимодействие отправителя (бенефициара) с массовым адресатом уже в объёмах конкретного иллокутивного параметра медийного дискурса с доминантным и уточняющим значением «**обвинение** по вскрытому преступлению, совершенному официальными лицами и / или учреждениями» (о иллокутивных параметрах дискурса см.: Романов, 1991)

Иными словами, бенефициар, планируя информационную атаку, исходит из того, что принятая в рамках коммуникативной технологии “веерного сдвига” дискурсивного «окна» информация с обвинительной семантикой будет восприниматься общественностью (народом) как «скрываемое от них преступление», за которое должны понести ответственность участники этого деяния. Таким образом, заказчик

информационных атак целенаправленно рассчитывал на ответную реакцию (обратную связь) массового адресата в виде широкого набора соответствующих протестных действий: от информационного «шума» в национальных и мировых СМИ до протестных акций, демонстраций, шествий или иных других событий.

Задействованные каналы для распространения **информационного «вброса»**: западные СМИ, а также некоторые российские СМИ, например, «Новая газета» и др.

Расширение тематического пространства осуществлялось в следующем направлении: от обыденного информирования («Панамские документы / Панамские бумаги») до их целенаправленной оценки как преступного деяния («Оффшоры» и «Панамагейт»), за которое должно следовать санкционное наказание или уголовное преследование.

Задействованные в медийно-тематическом пространстве **фреймы**: «Коррупция», «Отмывание денег», «Преступные деньги», «Правители мира и их преступные деньги», «Путин и преступные деньги», «Панамагейт», объединенные в гиперфрейм *«Государственное преступление»*.

Целесообразно уточнить, что «Панамские документы» – это документы, полученные от юридической фирмы Mossack Fonseca в Панаме, которая официально оказывает услуги по регистрации и ведению оффшорных компаний. Документы были получены немецкой газетой *Süddeutsche Zeitung* и предоставлены Международному консорциуму журналистов - расследователей (ICIJ – International Consortium of Investigative Journalists) и Центру по исследованию коррупции и организованной преступности (OCCRP – Organized Crime and Corruption Reporting Project).

OCCRP начал 3 апреля (в 21:00 по московскому времени) публиковать серии «разоблачительных» и «обличительных» статей, ссылаясь на содержание «Панамских документов».

В документах отмечается связь с оффшорами 12-ти действующих и бывших мировых лидеров, 128 политиков и 29 миллиардеров из списка

Forbes. Кроме того, в документах Mossack Fonseca встречаются фамилии мексиканских наркобаронов и членов британской палаты лордов, звезд мирового футбола и кино.

В частности, из данных «Панамских документов» следует, к примеру, что король Марокко Мохаммед VI и король Саудовской Аравии Салман использовали оффшоры для покупки яхт. Ли Сяолин, дочь бывшего премьера Госсовета КНР Ли Пэна, и ее супруг в бытность Ли Пэна премьером владели зарегистрированным в Лихтенштейне фондом Fondation Silo, который был единственным акционером компании Cofic Investments Ltd на Британских Виргинских островах. Также стало известно, что инвестиционный фонд Blairmore Holdings, принадлежавший биржевому маклеру и мультимиллионеру Иэну Кэмерону, отцу бывшего британского премьер-министра Дэвида Кэмерона, с помощью Mossack Fonseca уклонялся от налогов. В «Панамских документах» также фигурируют трое детей премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа, которые зарегистрировали на Британских Виргинских островах, как минимум, четыре оффшорных фирмы, владеющие по меньшей мере шестью роскошными домами в Лондоне стоимостью несколько миллионов долларов.

Засветились в скандальном списке и звезды кино: известный актер Джеки Чан, как выяснилось, владеет шестью оффшорными компаниями, управляемыми этой же юридической фирмой. В обнародованных журналистами материалах фигурируют также Кохо Аннан – сын бывшего Генсекретаря ООН Кофи Аннана, президент Аргентины Маурисио Макри и один из помощников Кристины Фернандес де Киршнер, предшественницы Макри на этом посту (РИА Новости: <http://ria.com.ua/analytics/20160404/1007811579.html>).

Однако крайне любопытным оказался составленный видеоряд персон (см., например, фотографии, представленные на сайте: <https://www.оссгр.org/ru/papa-maparaps/>), представленных в материалах информационного «вброса» под интригующим названием *«Кто есть в Панамских*

документах?» с перечислением конкретных имен, а именно: Ильхама Алиева (президента Азербайджана), Лионеля Месси (известного в мире профессионального футболиста из Аргентины), Петра Порошенко (президента Украины), Владимира Путина (президента России). Ср. составленный видеоряд.: «Кто есть в Панамских документах?»

Примечательно, что в «разоблачительных» публикациях были также размещены материалы, формирующие у массового адресата расширенное представление о российских фигурантах «Панамского досье», а именно, о

– Сергее Ролдугине – самом давнем друге Владимира Путина и названным условно «Хранитель» с комментариями о том, что «известный виолончелист утверждает: миллионов у него нет. Это правда: на самом деле у него миллиарды, а его собственностью управляют люди, приближенные к Путину»;

– Иване Малюшине, заместителе Управляющего делами президента Российской Федерации, который, по данным опубликованных материалов, на протяжении пяти лет владел офшорной компаний, и за это время создал крепкие связи с боссом организованной преступной группировки Геннадием Петровым;

– Российских «любителях офшоров» – группе высокопоставленных российских чиновников, включая пресс-секретаря президента РФ Дмитрия Пескова и министра экономического развития РФ Алексея Улюкаева, которые, как отмечается в материалах, владеют офшорными компаниями в Панаме и на Британских Виргинских Островах (см. источник: [https:// www.](https://www.)

occrp.org/ru/home/40-press-releases/presss-releases/5112-icij-occrp-panama-papers-project-yields-unprecedented-access-to-high-level-offshore-corruption).

Отметим еще раз, что в материалах, оформленных по указанным фреймовым матрицам, особое внимание было уделено расширению «российской части» документов, посвященных уже упомянутому в массиве информационного расследования ОССРП близкому к Путину петербургскому виолончелисту Сергею Ролдугину и "сети оффшоров", "связанных с Путиным". В расследовании упоминаются также фамилии заместителя министра внутренних дел России Александра Махонова, родственников высокопоставленных российских чиновников: племянника секретаря Совета безопасности РФ Николая Патрушева, сына другого заместителя министра внутренних дел, Игоря Зубова, супруги пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова Татьяны Навки, главы Департамента транспорта Москвы Максима Ликсутова. В информационном расследовании также упоминаются депутаты Госдумы РФ от "Единой России" и члены Совета Федерации. В публикации отмечается, что коммерческий банк "Россия", *по всей видимости*, причастен к потенциальной схеме отмывания денег, в которую *могли быть вовлечены* эти люди и *ряд близких знакомых* президента России Владимира Путина ([http:// www. svoboda.org/ content/article/27651963.html](http://www.svoboda.org/content/article/27651963.html)).

Примечательно, что практически сразу после публикации последовала реакция некоторых российских средств массовой информации на публикацию Панамских документов. Так, в частности, издание «Новая газета» создало специальный проект на эту тему «Оффшоры. Вскрытие» (см. [http:// krug.novayagazeta.ru/](http://krug.novayagazeta.ru/)).

Характеристика этапа:

Если судить по содержанию и специфике подачи информационных материалов (см. заголовки и лиды статей, а также фотографии, размещенные вместе с публикациями), то бросается в глаза, что в них так или иначе упоминается Президент Российской Федерации, а именно: размещена *его*

фотография с указанием должности, в анонсе предложенных материалов используются выражения «*давний друг Владимира Путина*», «*люди, приближенные к Путину*», «*заместитель Управляющего делами президента Российской Федерации*», «*пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков*», «*ряд близких знакомых президента России Владимира Путина*».

Очевидно, что несмотря на большое количество материалов, посвященных политикам и известным людям из разных стран мира, «*российская*» часть Панамских документов *напрямую интерпретируется как связанная с президентом Российской Федерации В.В. Путиным*. Иначе говоря, цель информационной подачи таких документов очевидна: создать дискурсивное пространство («*дискурсивную реальность*»), в котором главным действующим лицом от России будет фигурировать конкретная личность, в частности, её президент. Эту идею подхватили некоторые российские СМИ, прокомментировавшие «Панамагейт» буквально в ближайшие часы после публикации упомянутых документов, и представили *смысловую интерпретацию* содержания документов уже в рамках фрейма «**Президент РФ**», т.е. сделали более узким тематическое пространство подаваемых в СМИ документов, осуществив тем самым «сдвиг дискурсивного окна» с акцентом на Россию и сфокусировав выборочную информацию на конкретной личности.

Преимущества, на которые рассчитывали организаторы отмеченных информационных «вбросов», сводились к следующему:

– обозначить наличие большого массива документов как реального факта, свидетельствующего о масштабности, тщательности и серьезности проведенного расследования,

– перечислить значительное количество «участующих лиц», относящихся к мировому политическому и общественному истеблишменту, что должно придать публикуемым материалам оттенок «сенсационности» и фактуальной «достоверности»,

– реализовать возможности подачи информационных материалов на основе их типовой (матричной) фреймированной конфигурации с учетом использования валентных свойств, – в частности, *присоединения, расширения и дополнения* – их терминалов или слотов, подслотов и субслотов.

Недостатки:

– актуализация гиперфрейма «Президент РФ» без представления конкретных доказательств его личной причастности к документам «Панамагейт»,

– шаблонная реализация фреймовых конфигураций с набором медийных штампов, апробированных в аналогичных информационных атаках на российских спортсменов по поводу «допингового скандала», проведенных практически по схожему сценарию «разоблачение», за которое должны последовать санкции.

Таким образом, второй этап информационной атаки раскрывает спин-докторинговый механизм технологического расширения модели «веерного сдвига дискурсивного окна» информационных материалов «Панамские бумаги» в диапазоне «Панамские материалы» – «Панамагейт» – «Коррупция» – «Отмывание денег» – «Преступные деньги» – «Правители мира и их преступные деньги» – «Президент России и преступные деньги», объединенные в гиперфрейм «Государственное преступление».

Третий этап – реакция мирового сообщества и России на публикацию медийных материалов из серии «Панамагейт» – охватывает *три* разновидности респонсивных действий, связанные между собой интерактивным основанием схемы «инициирующие (атакующие) ходы – ответные (реактивно-закрывающие) ходы».

3.1: Распространение в российском информационном пространстве материалов, относящихся к «**российской**» части документов «Панамагейт».

Время: в последующие дни после публикации материалов «Панамагейт».

Каналы: западные СМИ, оппозиционные СМИ в России, пресс-секретарь президента РФ.

Тематические пространства: «оффшоры», «Панамагейт», «атака на Путина» (источник – пресс-секретарь президента РФ)

Задействованные фреймы: «Президент РФ», «Коррупция и мировые лидеры».

Выделенная разновидность третьего этапа в российском информационном пространстве характеризуется появлением медийных материалов, распространяемых преимущественно российскими СМИ с ярко выраженной оппозиционной направленностью. Примечательно, что российские государственные и проправительственные СМИ публично не реагировали на материалы «Панамских бумаг». Эта тематика для них была «закрыта» и материалов по поводу российской «части» расследования «панамского архива» они не публиковали.

В этой связи служба РБК отмечала, что российские государственные и прогосударственные СМИ после публикации «разоблачающих документов» очень осторожно высказывались на тему «панамского архива»; особенно они были осторожны в том, что касается российских чиновников и бизнесменов (источник: <http://rosinvest.com/novosti/1255531>).

Такая позиция СМИ не могла не вызвать вопросов у общественности и 5 апреля – спустя два дня после публикации сенсационных документов – к агентствам МИА "Россия сегодня" и ТАСС обратились по поводу замалчивания информации, которая в течение нескольких дней остается в центре внимания всей мировой прессы (см. обращение депутата Гудкова к руководителям агентств: http://www.bbc.com/russian/news/2016/04/160405gudkovmedia_questions). Однако нужно признать, что названные агентства не замалчивали ситуацию с «Панамскими документами», а комментировали её. Правда, их внимание было сосредоточено на реакции относительно утечек информации за рубежом, в

частности о ситуации вокруг оффшоров украинского президента П. Порошенко.

Нельзя сказать, что позиция государства не была доведена до различных СМИ. Однако эта позиция была представлена исключительно пресс-секретарем Президента РФ Д. Песковым, который продолжал работать по выбранной дефензивной технологии *«снижение доверия к источнику»* с одновременной актуализацией фрейма «Враги, которые пытаются навредить России». Ср.: «Как заявил пресс-секретарь Дмитрий Песков, в Кремле не будут комментировать по сути эту публикацию, поскольку там нет ничего конкретного про Путина и все строится *на доводах и спекуляциях*. Поэтому, по словам Пескова, в Кремле не видят смысла и в подготовке исков к авторам доклада».

При этом Дмитрий Песков признал, что упомянутый в докладе музыкант Сергей Ролдугин, как и «другие люди из разных сфер занятости, продолжают оставаться друзьями президента». Что же касается авторов доклада, то в Кремле, как заявил Дмитрий Песков, прекрасно понимают, кто финансирует это «журналистское сообщество» – в его составе *«много εκπред-ставителей Госдепа, ЦРУ и других спецслужб»*. «Видимо, *традиции качественных журналистских расследований канули в Лету»*, – отметил пресс-секретарь российского президента. В целом, по его словам, **мишенью** представленного доклада является **Владимир Путин** в контексте предстоящих в России парламентских, а затем президентских выборов, а цель его публикации – **дестабилизация ситуации в России**. Поэтому в Кремле ждут продолжения публикаций подобных расследований и, по словам Дмитрия Пескова, оно будет (<http://www.svoboda.org/content/article/27651963.html>).

Также ср.: «Глава кремлевской пресс-службы Дмитрий Песков заявил, что в администрации президента не рассматривают возможность подачи исков против авторов скандальных публикаций о панамских офшорах, поскольку все материалы построены *«на спекуляциях»* и там

«отсутствуют детали»», передает «Интерфакс». Более того, по словам Пескова, в документах «Панамского архива» ничего нового о Владимире Путине нет. Пресс-секретарь президента считает, что публикации стали результатом возросшего «градуса путинофобии» за пределами России. И хотя в опубликованных материалах упоминаются 12 мировых лидеров, именно Путин является главной целью утечки, уверен Д. Песков.

Кроме этого, глава пресс-службы Кремля отметил, что разочарован *качеством подготовки «компромата»*. Зная о готовящейся информатаке, в администрации *«ждали более квалифицированных итогов работы»* участников расследования. *«Здесь я, скорее, могу выразить разочарование. Во многом, когда речь идет об этом сообществе, традиции качественных журналистских расследований канули в Лету»*, – резюмировал Песков (<http://club-rf.ru/news/41371>).

Очевидно, что Д. Песков продолжает в своих комментариях использовать выбранную дефензивную технологию *«снижение доверия к источнику»*», подкрепляя интенсивную глубину её воздействия в оценочно-негативном плане: *«спекуляции»*, *«там отсутствуют детали»*, *«нет ничего нового»*, *«плохое качество подготовки «компромата»*, *«ждали более квалифицированных итогов работы»*, *«традиции качественных журналистских расследований канули в Лету»*.

Использование дефензивной технологии отбивания информационных атак потребовало от пресс-секретаря Д. Пескова вербальной активизации фреймовых конфигураций *«Враги»* и *«Атака на Путина – атака на Россию»*. В этом контексте действия не может остаться незамеченным использование им технологии *«сужения»* сдвига дискурсивного окна», которая целенаправленно фокусирует внимание адресата на персоне президента, обладающего в стране существенным репутационным капиталом и большим доверием народа. И пресс-секретарь президента мастерски использует этот репутационный капитал народа: называя конкретный адрес информационных атак, он как бы проводит знак равенства между

президентом и руководимой им страной, обозначив президента и страну в качестве основной цели атакующих действий противника, ср.: «Путин – главная цель», т.е. дестабилизируя позицию Путина, тем самым «дестабилизируют ситуацию в России», а «путинифобия» означает не что иное, как «русифобия», т.е. «боязнь России». Поэтому вывод напрашивается сам собой: что можно ожидать хорошего и конструктивного от «врагов» («англосаксов»), когда среди «авторов» таких посланий трудятся «много эксп-представителей Госдепа, ЦРУ и других спецслужб».

Примечательно, что выбранная Д. Песковым стратегия защиты президента принципиально отличается от реакции на материалы «Панамагейт» в других странах. Этот факт, а также факт «закрытости» (т.е. отсутствие откликов и комментариев) со стороны ряда каналов СМИ относительно вброшенной тематики в течение нескольких дней были отмечены в информационном пространстве как отечественных, так и зарубежных Интернет-публикаций, что вызвало неоднозначную реакцию в информационном пространстве и породило изрядное количество откликов-публикаций «о воображаемой реакции российского президента» (см., например: публикации в своем Twitter немецкого политолога Андреаса Умланда; кстати сказать, тема «воображаемой реакции» была активно подхвачена в Интернет-публикациях).

Таким образом, **общую характеристику** данной **разновидности третьего этапа** можно свести к следующим констатациям:

– несмотря на удачное использование выбранной ранее стратегии – «снижение доверия к источнику» в целом и относительно продуктивной актуализации фреймов «Враги» и «Президент РФ», сама технология реализации данной стратегии оказалась «суженной» и в коммуникативном плане не была подкреплена достаточной медийной аргументацией, объясняющей выбор её эксплицитного дефензивного характера,

– в то же время, качество представленных а СМИ «Панамских документов» давало возможность плодотворно и успешно вести

аргументированный дискурс дефензивной направленности, так как прямые обвинения против самого Президента не выдвигались и доказательств его участия в противозаконной деятельности представлено не было, и тем самым – было представлено большое поле для выстраивания контраргументов, которые бы укрепили и обосновали для массового сознания использование выбранной стратегии, однако это явное преимущество в текущий момент использовано не было.

«Закрытие» каналов информации или их ограниченное использование в плане выбора тематических блоков для обсуждения (ср. реакцию на утечку документов только за рубежом или фокусировку внимания на оффшорные фирмы, связанные с украинским президентом Порошенко), а также корректировки их смысловой интерпретации (безымянные российские бизнесмены и политики среднего звена) вызвали неоднозначную реакцию в информационном пространстве и, в свою очередь, послужило более чувствительным катализатором для *порождения* и *актуализации* новых **негативных фреймов**, подтверждающих и укрепляющих мнение о причастности высших лиц России к оффшорным скандалам (ср. логику вывода: *не говорят – значит, есть то, что нужно скрывать*). Это же мнение укрепляли сообщения о реакции западного общества на скандалы, связанные с их лидерами: ср. сообщения о многотысячном митинге в Исландии и последовавшей за этим отставке премьер-министра этой страны.

Преимущества: последовательное использование выбранной на до-спиновом этапе технологии «снижение доверия к источнику» с учетом актуализации фреймов «Враги» и «Президент РФ».

Недостатки:

– «закрытие» крупных каналов СМИ (государственной и прогосударственной направленности) в первые два дня после обнародования «Панамских документов», что привлекло внимание общественности как к самому событию, так и к факту его «замалчивания»,

– недостаточная аргументация для поддержки выбранной стратегии защиты – использованию технологии «снижение доверия к источнику» и актуализацию фреймов «Атака на Президента» и «Враги».

3.2: Вторая – после-спиновая – разновидность этапа характеризует российскую реакцию на публикацию статей из серии «Панамагейт».

Время: последующие дни после публикации материалов «Панамагейта», начиная с 5 апреля.

Каналы: государственные (выступление Президента РФ), и оппозиционные СМИ.

Тематические пространства: офшоры, Панамагейт, атака на Путина – на Россию.

Задействованные фреймы: «Президент РФ».

Центральным моментом этого этапа является выступление президента РФ В.В. Путина на медиафоруме ОНФ в Санкт-Петербурге 7 апреля 2016 года. Медиафорум «Правда и справедливость» организован Общероссийским народным фронтом и посвящён обсуждению острых проблем жизни регионов и профессиональных вопросов развития независимой российской журналистики, а также международной проблематики. Именно здесь ему был задан вопрос по поводу одного из российских «фигурантов» Панамских документов, а именно – виолончелиста Ролдугина.

Ответ В.В. Путина на вопрос о панамском досье целесообразно также проанализировать с учетом коммуникативных моделей (А и Б, т.е. моделей сужения и расширения) «вверного сдвига» дискурсивного окна тематического пространства материалов «Панамагейт»; **примечание:** слова Президента РФ В.В. Путина выделены курсивом, а комментарии авторов статьи даны через знак – «тире»).

К. Ткаченко: «Здравствуйтесь, Владимир Владимирович! Меня зовут Константин Ткаченко, у меня информационный блог Kremlin_Russian, более полумиллиона подписчиков; ежедневно мы освещаем новости, связанные с Вами.

Все мы слышали про информационный вброс, так называемое панамское досье, где фигурирует музыкант Ролдугин, который является Вашим другом. В связи с этим большое количество моих подписчиков завалили меня вопросами по данной теме. Пользуясь случаем, хотел бы ответить на вопросы своих подписчиков и попросить Вас прокомментировать».

В. Путин: *«О чём можно было бы сказать и с чего начать? Здесь коллега из Дагестана уже начал с Сирии, но начинать нужно не с Сирии, начинать нужно с начала 90-х годов. Я постараюсь тем не менее быть кратким».*

– Реализуется уже известная стратегия и тем самым доводится до сведения, что история давняя, началась не сегодня, а очень давно, и связана она не столько с самим президентом, а с Россией (так как в начале 90-х годов Путин президентом еще не был), т.е. также активизируется фрейм «Россия» –

«Когда наша страна была в очень тяжёлом положении и лежала в руинах, тогда в принципе очень всем нравилось посылать нам картошку, другую гуманитарную помощь и диктовать то, что они считают нужным в отношении России, и использовать её для своих интересов. Кстати говоря, и тогда были здравые порядочные люди и в Европе, и в Штатах, которые говорили: нельзя с Россией так обращаться, нужно соблюдать её интересы, она ещё встанет на ноги, и будет лучше, если мы заранее будем в отношении России проводить сбалансированную политику уважения к её интересам. Так называемые правящие круги в основных странах к этому не прислушались».

-- Очевидно, что осуществляется отсылка к успешно реализованному фрейму «Враги России», которые относились к нам в определенное время (т.е. *«Когда наша страна была в очень тяжёлом положении и лежала в руинах»*) пренебрежительно (см. – *«посылали нам картошку»* – то есть милостиво подкармливали, диктовали, что делать, и использовали в своих интересах). Часть западного населения (и этот шаг риторически необходим и

выгоден для Путина, чтобы обозначить здравомыслящую, порядочную часть западного мира (ср.: «*здоровые порядочные люди и в Европе, и в Штатах*») и отделить её от правящей элиты западных стран, потому что эта часть народа понимала пагубность и опасность подобного обращения с великим народом в противовес правителям, т.е. недругам страны. Таким образом, президент вновь активизирует фрейм «Враги России». В этом шаге можно даже усмотреть «историческую переключку» с известным высказыванием И. Сталина относительно исторической судьбы немецкого народа в 1945 году, смысл которого можно представить следующим образом: мы воюем не с немецким народом, а с Гитлером (в оригинале: «Опыт истории говорит, что Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остаётся»)
--

«Всё началось, если Вы помните, с Югославии, когда впервые западная пресса обрушилась на первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина, когда он прямо заявил о нашей позиции неприятия бомбёжек Белграда и силовых действий в отношении этой страны.

Дальше – больше, дальше появились проблемы на Украине, переворот, желание жителей Крыма присоединиться к России. Сейчас я не буду комментировать всё в деталях, у нас и времени для этого нет, и формат другой – наше отношение к событиям на юго-востоке Украины. Более мелкие вещи есть, такие, например, как невыдача господина Сноудена. Это всё наши некоторые партнёры считают раздражителями в наших отношениях, они привыкли к монополии на международной арене и не хотят ни с кем считаться.

А последние события в Сирии прямо показали возможности не только России решать проблемы где-то рядом с собой, но и вдали от наших границ».

– Неслучайно президент упоминает президента Ельцина. Так выстраивается мысль о преемственности демократической власти в России и об особой позиции российских президентов во все времена – позиции

противодействия насилию и убийствам мирных людей (фрейм «Россия» с валентными слотами «сильная», «независимая», «справедливая», «великая»).

Примечательным выглядит выстраивание президентом единого тематического ряда: Югославия (бомбежки Белграда) – Украина (Крым, юго-восток) – Сирия. Этот тематический ряд объединяется рядом следующих смысловых маркеров: помощь попавшим в беду невинным людям, спасение от смерти гражданского населения и т.д. Кроме того, использование тематического микроблока «Бомбежки Белграда» позволяет в рамках обозначенного фреймового пространства или конфигурации актуализировать такой блок даже в смежных тематических пространствах – Крым или юго-восточные территории, которые тоже бы подверглись бомбежкам и уничтожению, если бы Россия не пришла на помощь.

Сегодняшние «партнеры» России – монополисты на международной арене и они не могут смириться с тем, что Россия не просто встала с колен, но и способна восстанавливать справедливость и за своими границами, приходить на помощь всем, кто в беде (актуализация слотовых терминалов «сильная», «независимая», «справедливая», «великая» фрейма «Россия» и перенос фокуса внимания на фрейм «Враги») –

«Но это для них не главное. Даже то, что наша экономика, несмотря на все проблемы, которые мы сегодня переживаем, стала более независимой, самостоятельной и более самодостаточной, хотя у нас ещё зависимость есть от нефти и газа и так далее, тем не менее сегодняшняя экономика почти в два раза больше, чем в начале 90-х годов, в начале 2000-х годов, мы почти в два раза увеличили объём нашей экономики. Возможности Вооружённых Сил возросли многократно, и мы видим это как раз на примере Сирии.

Но больше всего наших оппонентов беспокоит даже не это, а единство и сплочённость российской нации, многонационального российского народа. И в этой связи предпринимаются попытки раскачать изнутри, сделать нас более покладистыми и причесать нас так, как им

хочется. Самый простой способ какой? Это внести какое-то недоверие внутри общества к органам власти, к органам управления, настроить одних против других. Это с блеском было применено в трагические годы Первой мировой войны, когда страну просто довели до распада. Сегодня это покушение с негодными средствами».

– Президент Путин активно развивает валентностные связи терминалов фрейма «Россия», например, «экономическое состояние страны» – «Россия встала с колен» и показывает, что как с экономической, так и с военной точки зрения Россия сегодня есть современная и самостоятельная держава. Иначе говоря, Путин аргументирует свою позицию, эффективно используя метод сравнения: *в экономическом плане*: в 2 раза увеличен объем экономики по сравнению с 90-ми годами, несмотря на сохраняющуюся зависимость от газа и нефти – фраза *«хотя у нас ещё зависимость есть от нефти и газа»* – это риторический шаг, предупреждающий ввод контраргументов, способных опровергнуть позицию президента, *и в военном плане* – президент вводит аргумент: «успешная операция в Сирии военно-воздушных войск РФ». Но самое главное, чего боятся наши *«оппоненты»*: произошло сплочение нации, многонационального российского народа, что подкрепляется аргументом отсылки, констатирующим «поддержку действующей власти» народом с одновременной активацией слотовых блоков фрейма «Россия» – «самостоятельная», «единая», «мощная, великая».

Таким образом, главная контраргументация президента против *«оппонентов»* России (фрейм «Враги России»), стремящихся внести недоверие к власти, направлена именно на экспликацию основного центра их информационного воздействия, с учетом которой она выстроена, если учесть приводимое ранее высказывание Дж. Аркилла относительно роли и значимости «базовости ядерной информации» по отношению к структуре общества (см. подробнее первую статью в № 3 настоящего журнала). Поэтому президент открыто вскрывает цели и замыслы *«оппонентов»* России, которых *«беспокоит ... единство и сплочённость российской*

нации, многонационального российского народа. И в этой связи предпринимаются попытки раскачать изнутри, сделать нас более покладистыми и причесать нас так, как им хочется».

Далее президент уточняет свою позицию, используя метод сравнения: современная ситуация в стране сравнивается с российской ситуацией в Первую мировую войну, когда подобные деструктивные действия «оппонентов» разрушили Великую Российскую империю. Обращает на себя внимание тот факт, что таким образом делается допущение, что великая Российская империя разрушилась по единственной причине: из-за утраты доверия народа к действующей власти. Президент вновь отсылает к фрейму «Враги России», действие которых однажды уже довели до распада великую Россию. –

«Вы здесь специалисты, все журналисты, правильно, вы знаете, что такое информационный продукт. По этим офшорам прошлись: вашего покорного слуги там нет, не о чем говорить. Но задание-то есть, надо работать. Что сделали? Сделали информационный продукт: нашли кого-то из моих знакомых и друзей, я сейчас о них тоже скажу, чего-то там поковыряли и слепили. Я смотрел эти картинки, там на заднем плане много-много людей, непонятно каких, а фотография вашего покорного слуги на переднем плане в большом формате, и это продвигается».

– Примечательно, что данный абзац начинается с использования президентом суггестивного приема «внушение через идентификацию», когда обращение к журналистскому сообществу эксплицируется в качестве суггестивного посыла: «вы – журналисты, вы – специалисты», «вы знаете, что такое информационный продукт», т.е. «вы – профессионалы», которые, исходя из собственной профессиональной компетенции, могут понять, определить и оценить, что означает настоящая журналистская работа – качественная и достойная своей профессии –, а что может быть простой подделкой, т.е. сделанным по заказу «информационным продуктом», который подается адресату для потребления. Тем самым наблюдается

дальнейшее использование коммуникативной технологии «снижение доверия к источнику», которая подкрепляется доказательной базой – аргументом: разместили фотографию, хотя доказательств участия президента в работе оффшорных компаний нет, упомянули некоторых знакомых и друзей –

«Есть какой-то друг господина Президента России, он чего-то там сделал, наверное, это имеет какую-то коррупционную составляющую. Какую? Да никакой там нет. А то, что за этим стоят, скажем, официальные лица и официальные органы тех же Соединённых Штатов, это сейчас нам Викиликс показал. То, что они позволяют себе хамить иногда публично, нам за это принесли прямые извинения некоторые высокопоставленные чиновники администрации. Но я думаю, не потому, что им стало стыдно, а потому, что они умнее тех, кто это делал.

А в чём проблема? В том, что когда официальные лица, скажем, Госдепа либо администрации США заявляют какие-то такие хамоватые вещи, то это значит, они обозначают себя как заинтересованные лица. Это, конечно, с точки зрения достижения конечного результата плохо для них, но для нас хорошо, потому что мы понимаем, кто заказчик».

– В данном тематическом блоке вводятся данные о «друге Путина» и подчеркивается бездоказательность цепочки мнимых аргументов: *«Есть какой-то друг господина Президента России», «он чего-то там сделал»* и это имеет какую-то коррупционную составляющую. *«Какую?»* – спрашивает президент риторически и тот час отвечает: *«Да никакой там нет»* коррупции. Президент четко заявляет, что он понимает цену такому *«информационному продукту»*, который строится на предположениях, допущениях, намеках и умолчаниях, что имя президента нужно *«заказчикам»*, чтобы ассоциативно связать его с коррупцией. Но это не продуктивная затея, так как без доказательств, все подобные рассуждения выглядят, конечно же, натянутыми и абсурдными.

Дальше внимание президента переносится на авторов такого алогичного допущения – *«заказчиков»* – официальных лиц и органов США,

т.е. вновь эксплицитно активизируется фрейм «Враги России». Отсылка к фрейму риторически подкрепляется ссылкой на авторитет международной организации Викиликс, которая уже неоднократно выступала в качестве разоблачителей преступной деятельности властей США. Употребление выражений *«Госдеп, администрация США, хамоватые вещи, публично хамить и приносит за это извинения»* четко очерчивает акторов фреймового пространства «Враги России», которые и являются заказчиками («режиссерами») подобных информационных вбросов –

«Теперь что касается Сергея Павловича Ролдугина. Он не просто какой-то музыкант, он народный артист России, блестящий музыкант, думаю, что один из лучших в стране. Он был членом жюри на международном конкурсе Чайковского, начинал работу здесь, в Ленинграде, Петербурге, у Мравинского, долгое время работал у Гергиева, был ректором Петербургской консерватории, он человек очень творческий».

– Использование тактики «обозначение авторитета» в данном фрагменте дискурса закономерно и объективно: Ролдугин – блестящий музыкант, народный артист России, ректор Петербургской консерватории, член жюри международного конкурса имени Чайковского. Поэтому президент показывает, что упоминание такого человека, представляющего сферу классической музыки, т.е. одну из самых интеллигентных и максимально удаленных от сфер какого-либо противоправного бизнеса или незаконной финансовой деятельности сфер в контексте коррупционного скандала, выглядит надуманным и абсурдным.

В качестве **недостатка в использовании** такой тактики можно отметить некоторую избыточность информации, свидетельствующей об авторитетности известного музыканта. Действительно, для аудитории любителей классической музыки такой подробный перечень (с упоминанием Мравинского, Гергиева, конкурса имени Чайковского) будет чрезмерным и избыточным, так как если Ролдугин – фигура топового музыканта, то достаточно было бы просто упомянуть его имя. Ср., например, при

упоминание имени Ростроповича становятся не актуальными детали, где, когда и с кем он выступал и работал. А для массовой аудитории упоминание фамилии Мравинский, скорее всего, не даст ожидаемого эффекта узнаваемости –

«Многие творческие люди в России, я не знаю, каждый второй, может быть, если Вы обратите внимание, пытаются заниматься бизнесом, и, насколько мне известно, Сергей Павлович тоже. Но какой его бизнес? Он является миноритарным акционером в одной из наших компаний и там какие-то деньги зарабатывает. Это, конечно, не миллиарды долларов, чушь, нет ничего подобного».

– Выстроенный в предыдущем абзаце образ «классического музыканта», имеющего всемирную известность (о чем свидетельствуют слова *Чайковский, Мравинский, Гергиев, Петербургская консерватория*), не позволяет валентным связям фреймовых терминалов и их слотовых разновидностей помещать «заказчикам» информационного вброса порочащие такую личность материалы со сведениями в контекст противозаконной бизнес-деятельности, напрямую не связанной с его профессией. Однако «образ музыканта с мировым именем» конкретен и достаточно узко информативен. Поэтому чтобы приблизить понимание этого образа к массовой аудитории и дать «понятную» ей характеристику конкретной личности Ролдугина президент использует в риторическом плане нейтральное, но более объёмное по содержанию и валентным свойствам выражение – «творческий человек», которое открывает ещё шире поле восприятия деятельности этой личности, частично раздвигая горизонты восприятия «образа классического музыканта-виртуоза». В этом кажущемся противоречии президент сознательно «размывает» объём понятия «творческий человек» и разрывает обязательную валентную связь терминалов этого же фрейма. Такой риторический приём валентного «разрыва» необходим, чтобы объёмнее раскрыть массовому адресату широту и социальную значимость деятельности классического музыканта как

активного члена общества, как гражданина России, для которого допустима и возможна другая – *творческая* – деятельность.

Иными словами, тем самым актуализируется необязательная или факультативная валентность одного из слотов фрейма «классический музыкант». Но такая слотовая факультативная валентность фрейма «классический музыкант», активированная в ментальной репрезентации массового адресата, позволяет, по мнению президента, такому музыканту как творческой личности заниматься любым другим делом, в том числе и бизнесом, ибо каждый второй, предположительно, может пытаться это делать и реализовать тем самым свой творческий потенциал. В этом плане обращает на себя внимание использование президентом выражений и слов со смысловой неопределенностью – «я не знаю, каждый второй, может быть», «пытаются заниматься», а не занимаются, «одной из компаний», «зарабатывает какие-то деньги». Такой риторико-прагматический выбор слов придает дополнительно смысловому полю важные признаки *предположительности* («я не знаю, каждый второй, может быть») и *незначительности* (ср.: факультативное занятие бизнесом – «творческие люди в России, я не знаю, каждый второй, может быть, если Вы обратите внимание, пытаются заниматься бизнесом», ибо самое главное – музыка). Сергей Павлович – просто «*миноритарный акционер*». Весь его бизнес – незначителен, *деньги – небольшие* (конечно, не миллиарды долларов). Таким образом, указанная в Панамских документах сумма «2 миллиарда долларов» в данном контексте воспринимается как абсолютно недостоверная. Следовательно, активация фрейма «классический музыкант» с дополнительной (факультативной) валентностью: «творческий человек» позволяет известному в мире музыканту как любому творческому человеку проявить себя в небольшом бизнесе, т.е. пытаться вести не постоянную, профессиональную финансовую деятельность, а только иногда от случая к случаю «*зарабатывать какие-то деньги в нашей кампании*». Но эта дополнительная валентность фреймовой конфигурации играет очень важную

роль, так как она буквально блокирует в массовом сознании адресата формирование метафрейма «классический музыкант – делец-миллиардер, скрывающий свои деньги в оффшорах от государства». Активация этой факультативной валентности – блестящая находка для сужения тематических блоков «деньги», «миллиарды в оффшорах», «друзья Путина – миллиардеры». Отсюда и логический вывод, с которым может согласиться значительная часть слушателей: «миллиарды долларов – это чушь», «миллиарды долларов выдуманы» –

«Что любопытно и интересно, я горжусь такими людьми, как Сергей Павлович, и в числе своих друзей, и вообще в целом. Почти все деньги, которые он там заработал, он истратил на приобретение музыкальных инструментов за границей и привез их в Россию, дорогие вещи. Мы всегда приветствуем, когда кто-то делает что-то подобное. Но он идёт ещё дальше, я знаю, что он уже несколько месяцев занимается чем? Оформлением этих музыкальных инструментов в собственность государственных учреждений. И на протяжении многих лет занимается, не выпячивая себя, организацией концертов, продвижением русской культуры за границей, фактически оплачивает из своих средств. Чем больше у нас будет таких людей, тем лучше, и я горжусь, что у меня есть такие друзья».

– В данном фрагменте В.В. Путин актуализирует фрейм «Патриотизм – любовь к Родине» для демонстрации того, что близкие к президенту люди ведут себя патриотично. Развивая логический вывод «миллиарды долларов – это чушь», президент эмоционально оценивает деятельность своих друзей в положительном плане: «я горжусь такими людьми, как Сергей Павлович, и в числе своих друзей, и вообще в целом». Эта фраза президента примечательна тем, что он адресует массовой аудитории конкретное послание: «Я горжусь Сергеем Павловичем не потому, что он – музыкант с мировым именем, и не потому, что музыкант входит в круг моих друзей»; президент подчеркивает также, что он – обыкновенный человек, который

знает, что такое дружба и который умеет ценить это качество вместе с остальными людьми. При этом президент показывает, что он гордится дружбой с Ролдугиным не потому, что они – друзья детства, а также и потому, что этот человек является патриотом своей страны, личностью государственного масштаба, которая проявляет заботу о своей Родине: *«почти все деньги, которые он там (т.е. в нашей кампании) заработал, он истратил на приобретение музыкальных инструментов за границей и привез их в Россию, дорогие вещи»*. Президент словно бы возвращается к понятию «творческий человек», раскрывая объём творческой деятельности Ролдугина, который «творит» добрые дела для России, приобретая за границей дорогие музыкальные инструменты.

Больше того, президент эффектно закрепляет свой информационный посыл констатирующим уточнением: *«Дорогие инструменты привозятся в Россию и оформляются в государственную собственность»*. Причем, как истинный меценат, Ролдугин делает это *«на протяжении многих лет»*, не афишируя и *«не выпячивая себя»*, а также устраивает концерты за границей, прославляя таким образом Россию и русскую культуру.

Своим информационным посылом президент в эксплицитной форме активизирует фрейм «Патриотизм»: *«приобретает на свои деньги инструменты и привозит в Россию»*, *«оформляет их в государственную собственность»*, *«продвигает на собственные деньги русскую культуру за рубежом»*.

Безусловно, актуализация данного фрейма президентом направлена на то, чтобы вызывать у массового адресата чувство гордости, которое обуславливает общий вывод: таким другом – человеком – соотечественником можно и нужно гордиться не только президенту, но и всем россиянам.

Тем не менее, стоит заметить, что открытие фрейма «Патриотизм» при помощи смыслового блока «Приобретение инструментов» выглядит очень рискованным, так как ключевые слова этого блока – *«приобретает»*, *«дорогие вещи»*, *«оплачивает из своих средств»* – имеют смысловое

пересечение с тематическим пространством «Деньги», где уже ранее была обозначена цифра в «2 миллиарда долларов». Именно этот блок вызвал в Интернет-пространстве раскрытие новых смысловых блоков с ярко выраженной негативной окраской (см. материалы: «Камазы Виолончелей», «навиолончелить», «86% россиян хотят быть виолончелистами» и др.).

Как и ожидалось, ответ Президента РФ вызвал в информационном пространстве новый виток обсуждений материалов информационного «вброса», правда, уже с позиций апробированной технологии «сниженного доверия к источнику». Государственные и прогосударственные СМИ, а также различные сайты и блоги в Интернет-пространстве, ориентированные на проправительственную линию «недоверия к источнику информации», также придерживались в собственных интерпретациях предложенной ранее стратегии: на фоне фреймов «Президент РФ» и «Враги России» они использовали в вариативной форме эффективную технологию «снижения доверия к источнику». Больше того, нередко в информационном пространстве подвергалась критике недостаточная аргументированность выдвинутых как в прессе, так и в «разоблачительных» материалах различных обвинений, а также выявлялись и комментировались неявные связи предложенных в Панамских документах «доказательств» с фреймом «Президент РФ». Ср., например:

«Впрочем, нет, два миллиарда нашли. Не знаю, как вы, но я оборжался с этой «сенсации». Целый «Международный консорциум журналистских расследований» (ICIJ) количеством в триста голов ЦЕЛЫЙ ГОД копал, чтобы вывести на чистую воду президента России. Результат: нашли виолончелиста, путинского друга (вероятно), которому (вероятно) принадлежат два миллиарда денег (вероятно) в панамском оффшоре (вероятно), которые (вероятно) имеют отношение к Путину...» (см.: <http://putin24.info/you-alek-seev-gde-spryatany-milliardy-putina.html>).

Таким образом, оказалось, что дефензивная стратегия коммуникативных практик, направленных в медийном пространстве на

«снижение доверия к источнику», сначала практически сузила, а затем и свела на нет прагматическую значимость тематических блоков представленного мировой общественности массива «разоблачительных материалов» информационной кампании «Панамагейт» относительно России. Эффективность примененной стратегии позволила только лишь незначительно коснуться уровня некоторых (отдельных) валентных свойств фреймовой конфигурации «Президент РФ» и не позволила этим свойствам быть доминантными в конфигурации, чтобы представить этот фрейм в негативном свете и тиражировать его в информационном пространстве. Породив недоверие к источнику информационной кампании и закрепив это недоверие в соответствующих коммуникативных практиках, дефензивная деятельность принесла свои плоды: заявленные в материалах «Панамских бумаг» как наиболее значимые в дискредитирующем президента РФ плане валентные связи фреймовых конфигураций оказались фактуально не состоятельными, не подтвержденными и не реализованными, т.е. в лефензивно - дискурсивном ракурсе предложенные в информационном пространстве материалы были заявлены фальшивыми.

Финальной точкой в разоблачении «информационных фальшивок» в медийном пространстве можно считать дефензивно-атакующую разновидность *третьего* этапа, в которой совершенно открыто и с оттенками полемического «ёрничества» ставится под сомнение «доказательность» Панамских документов в их российской части, а именно – их конкретная направленность на дискредитацию личности российского президента и России в целом. Эту разновидность третьего этапа можно, вслед за RT, назвать таким образом:

3.3. Панамские откровения: 5 грехов Путина ... или не Путина?

Время: спустя определенное время после ответа В.В. Путина на форуме в Санкт-Петербурге.

Каналы: отечественные СМИ, различные Интернет-площадки.

Тематические пространства: оффшоры, Панамагейт, атака на Путина.

Задействованные фреймы: «Президент РФ», «Коррупция и мировые лидеры».

Специфика указанной разновидности проявилась в том, что финальная точка в разоблачении «срежиссированной» информационной атаки была перенесена на гиперфрейм, построенный на основе двух фреймов, а именно: «Президент РФ» и «Коррупция и мировые лидеры». Таким образом, направленность информационной атаки, совершив определенную петлю трансформации «Панамские бумаги – оффшоры – коррупция – российский след – президент РФ», вернулась к своей исходной позиции, но уже поименованной не «Панамские материалы» / «Панамские архивы», а – «Панамские откровения». Указанная трансформация, судя по заголовкам мировых медийных изданий, показала, что главным «героем» «Панамского архива», призванного, по задумке «режиссеров-манипуляторов», разоблачить «серые» схемы отмывания денег, которые применяли различного уровня мировые звёзды спорта, кино и политические деятели многих стран, стал Владимир Путин.

Специфика указанной разновидности третьего этапа заключалась в том, что для отражения эффективного противодействия информационным нападкам была применена поучительная – с точки зрения реализации стратегии дефензивной контратаки – коммуникативная технология, продемонстрированная массовому адресату через известный медийный канал RT на русском языке (см.: [http:// russian.rt.com/article/157130](http://russian.rt.com/article/157130)). Суть этой эффективной технологии проста. Она хорошо известна в риторической практике, особенно в практике полемических диалогов, которые ведут между собой ораторы. За основу берется лаконичность вопросно-ответной формы, где в качестве вопросительной части приводятся «самые громкие разоблачительные сведения», в которых обвиняются оппоненты, в частности, российские фигуранты «Панамских документов». Исходя из наличия «ассоциативной («условнорефлекторной») связи» (Выготский, 1982: 104) логического отношения части и целого, «вина» российских фигурантов, по

замыслу «режиссеров Панамагейта», должна автоматически переноситься также на президента РФ и страну в целом (здесь также можно вспомнить и новозаветное: «Злословия злословящих тебя, падут и на меня»).

Однако специфика данной разновидности ответной «дефнзивной атаки» заключалась в том, что в данном конкретном случае был применен эффективный тактический прием риторического ответа, когда в закрывающей части диалогического обмена в качестве ответа использовались конкретные (фактуальные и проверяемые) данные из опубликованных материалов «оффшорного скандала». На этом основании был использован достаточно привлекательный с точки зрения риторического взаимодействия ход: заглавие публикуемого материала («5 грехов Путина ... или не Путина?») заключало в себе информационную интригу, которая сводилась к тому, что в первой части заголовка было обозначено конкретное количество «прегрешений» Путина, а после нескольких пробелов ставился вопрос («... или не Путина?»), на который должны были ответить сами читатели при знакомстве с содержанием приписываемых президенту «грехов». Другими словами, массовый читатель должен самостоятельно ответить на вопрос: есть ли в этих «скандальных» материалах конкретные факты, доказывающие реальное участие самого Путина в оффшорном скандале?

Примечательно, что полемический диалог подается читателю не только в вербальной форме, но ещё и в форме видеоряда, перекликающегося с видеорядом, составленным «режиссерами» «Панамских документов» (см. выше страницы, где описана характеристика второго этапа). Тем самым коммуникативная технология «полемического диалога» предоставляет возможность массовому адресату воочию убедиться, что от чего они шли (т.е. от видеоряда знаменитых персон с перечислением их «грехов» в «Панамских материалах») к тому же и пришли, а именно: к тщетности найти «грехи» Путина и, естественно, к тщетности получить запланированный «режиссерами» «Панамских бумаг» коммуникативный эффект – убедить

массового адресата в личной причастности В.В. Путина к фактам, перечисленным в «скандальных» материалах «Панамских бумаг».

Итак, рассмотрим подробнее коммуникативную технологию «полемиического диалога» и проследим за перечислением «грехов» президента и сравним, были ли какие-то основания помещать портрет Путина в массив «Панамских документов» под рубрикой «Кто есть в Панамских документах?». Вот эти «грехи»:

1. Он и его родственники являлись владельцами нефтяной компании?

Это Путин? – Нет.

Это Лионель Месси.

2. Его отец уходил от налогов через оффшорные компании в Панаме?

Это про Путина? – Нет.

Родня Дэвида Кэмерона (бывший премьер-министр Великобритании) не так интересна СМИ, как родственники Владимира Путина.

3. Он помогал верхушке правящей партии скрывать теневые доходы?

И здесь не про Путина? – Это Си Цзиньпин.

4. Он незаконным путём присвоил и скрыл от налогов миллионы?

Это Путин? – Нет.

Под премьером Исландии уже зашаталось кресло.

5. Его друзья, возможно, вовлечены в финансовый скандал? – Вы правы! Это Владимир Путин, знакомство с которым может сделать и вас героем первых полос крупнейших СМИ.

Оценивая с точки зрения успешности (или эффективности) использования дефензивной стратегии в «полемическом диалоге» для отражения информационных атак, необходимо обратить особое внимание на выбор ритуальной – вопросно-ответной – формы взаимодействия и воздействующего убеждения, в которой реализуется выбранная дефензивная стратегия. Важно иметь в виду, что в информационном противоборстве (противостоянии) вопросно-ответная форма как своеобразное «фехтование» ритуального общения в виде образа-модели силовой азартной игры, в которой чередуется обмен вопросительного выпада атакующего на ответный выпад *нейтрального* или – *мягкого* по форме, но не по силе воздействия – согласия. Такая разновидность образа-модели (или ФСП – функционально-семантического представления в: Романов, 1988) силовой азартной игры достаточно часто используется не только в острополемических дебатах и активных митинговых мероприятиях в духе типового «карнавально - площадного общения», по М.М. Бахтину (1990: 22-23), но и в специфических сакрально-коммуникативных актах состязательного ритуального взаимодействия (ср.: Романов, Романова, Федосеева, 2013).

В этом контексте заслуживают особого внимания такие состязательные акты коммуникативно-ритуального взаимодействия, которые, как правило, характеризуются тем, что такие, например, разновидности коммуникативно -

ритуального взаимодействия как разновидность ритуального взаимодействия по реинкарнации или разновидность порядка психотерапевтического взаимодействия осуществляются по особому схематичному образцу или образу-модели, подчиненному строгой последовательности или очередности обмена действиями: «вопрос / запрос – ответ» (Романов, Романова, Федосеева, 2013: 85-86; Романов, 2014; 2015; 2015a), коррелирующему с прагматическим и политтехнологическим потенциалами «языкового ресурса “мягкой силы” концентриального воздействия», отмеченного в первой статье (Романов, Романова, 2017: 8-10; о типах «жесткого» и «мягкого» вербального кодирования в политической дискурсии см.: Романов, 2002; Романов, Черепанова, 1998; 1999; Романов, Немец, 2006. Подробнее о концептуальных истоках и специфике термина “мягкая сила” / “soft power” см.: Нье, 2004).

Формулируя вопросы и находясь в рамках сакрального взаимодействия реинкарнационной или психотерапевтической схемы, ведущий как инициатор или автор, реализующий «дефензивную стратегию» активного информационного противостояния / противоборства, ожидает от погружаемого в тематическое пространство (в «тему», по В.Н. Волошинову) ведомого (адресата как объекта прямого вербального воздействия) только краткие (однозначные) ответные действия в виде подтверждающего «да» или отрицающего «нет». В этом плане уместно вновь обратить внимание на роль тематического пространства («тему») и напомнить, что «тема, по В.Н. Волошинову (1930: 101), – сложная динамическая система знаков, пытающаяся быть адекватной данному моменту “становления” сознания. Тема – реакция становящегося сознания на становление бытия... и «должна опираться на устойчивость значения», т.е. «на те моменты, которые повторимы и тождественны себе при всех повторениях; в противном случае тема утратит свою связь с предшествующими и последующими моментами, т.е. она вообще утратит свой смысл. Являясь неотъемлемой частью целого речевого произведения (высказывания, реплики), «тема может принадлежать и отдельному слову, но в том случае, если оно выступает в качестве целого

речевого произведения с его названными свойствами» (Волошинов, 1930: 101).

В этом контексте следует иметь в виду, что в рассматриваемом случае «грехов Путина» принцип строгой схематичности в следовании (очередности) силового противоборствующего «фехтования» инициативного (открывающего) и ответного (закрывающего) действий приобретает комплексную (композиционную) конструктивную форму. Предложенная вопросно-ответная форма подается в виде осложненного вербально-визуального или визуально-вербального конструкта (композиционного коммуниката), в едином видео – вербальном дискурсивном ряду (формате) которого соединены в неразрывное, с точки зрения тематического пространства и коммуникативно - прагматической направленности, целое два семиотических кода, а именно: вплетенными друг в друга визуальным и вербальным кодами.

Примечательно, что в разворачивании тематического пространства дискурсивного конструкта ответные реплики-действия в форме «да – нет» демонстрируют не просто согласие или несогласие их автора (т.е. адресата, читателя, телезрителя) с вопросами инициатора, но и рассматриваются также в рамках целостного ритуального взаимодействия как определенные респонсивные шаги, которые вплетены в структуру взаимодействия партнеров и несут в себе различные коммуникативные интенции, оценки, подсказки инициатору в характере и направлении перспективных действий к результирующему эффекту и т.п.

И хотя в приведенном выше дискурсивном фрагменте перечисленные респонсивные действия адресата имеют различное тематическое пространство, тем не менее, оно не выходит за пределы «иллокутивной заданности и интенциональной направленности» (Романов, 1991) на реализацию дефензивной стратегии (активной обороны), переходящей в рамках обозначенного акта ритуального взаимодействия в ответную атаку по типу вербально-пси-хологического «айкидо». В этой связи уместно вновь

привести слова В.Н. Волошинова о том, что «тема – сложная динамическая система знаков, пытающаяся быть адекватной данному моменту “становления” сознания», что она не должна терять «свою связь с предшествующими и последующими моментами ситуации при всех повторениях» (1930: 101).

Примечательно, что при каждом тематическом повторении (в нашем случае тематического повторения в ответах «да» переходящих в «нет») образуется *атакующий коммуникативный эффект «сдвоенного центра»*, в котором новое ответное «да» семантически прирастает содержанием ответного действия и переходит (переносится) в предыдущее и усиленное «нет». Очевидно, что формирование эффекта «сдвоенного центра» основывается на удвоенном столкновении «да» и «нет» в рамках одного и того же комплексного (визуально-вербального / вербально-визуального) тематического пространства, которое направлено на усиление предыдущее ответное «нет» в тематическом формате ритуального обмена, для того чтобы осуществить таким образом наращивание дефензивного смыслового и прагматического потенциалов тематического пространства.

В конечном итоге получается, что задаваемый инициатором (вопрошающим) формат «фехтующего» («боксерского») взаимодействия, в котором *ответные* и – (специфичные для этого формата интерактивного взаимодействия) – *закрывающие* реплики в виде комплексных (визуально-вербальных) действий уже запрограммированы тематически и иллокутивно, либо проспективно блокирует по образцу спин-докторинговых технологий любые иные выводные заключения кроме согласия, либо практически оставляет их без предусмотренной для ответов адресата альтернативы, Одним словом, задаваемый инициатором (вопрошающим) формат взаимодействия является в рассматриваемом случае такой *подсказкой*, в которой *вербальная* – вопросительная – часть предполагает вариативность ответа, а *визуальная* часть блокирует такую альтернативу (вариативность) и отсылает к ответной, утвердительной

реплике «нет», закрывающей негативные оценки и выводы посредством серийной демонстрации визуального образа В.В. Путина, широко внедренного в сознание массового адресата (подробнее о специфике инициативных и ответных реплик в диалоге см.: Романов, 1988).

И в результате: такая комплексная в семиотическом плане (визуально-вербальная) интеракция образует прагматически эффективный **аргумент неоспоримого подтверждения**, базовой основой которого является демонстрируемая (предъявляемая) визуализация образов, усиливающая в положительном (позитивном) плане коммуникативную интенцию как совместно разделяемую, синергийную, со-работническую «мы-интенцию» (по аналогии с «пра-мы» у Л.С. Выготского, 1984: 308) сдвоенного центра вопрошающего инициатора, эмотивно направленную на встраивание намерений других участников интеракции с целью порождения «оценочного восприятия слушателя» (Волошинов, 1930: 69) и выработки у него социально-когнитивных и социально-мотивационных навыков интерпретирования (обработки) вбрасываемых потоков медийной информации, потому что у слушателя в действительной реальности коммуникативно-ритуального общения проявляется не «абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его существования, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» (Волошинов, 1930: 96-97). Поэтому прагматический эффект выбранного на данном этапе типа дефензивно-атакующей разновидности информационной «обороны» очевиден: используя в «маточном» фреймовом образовании тематическое повторение (в рассматриваемом случае – тематические повторения в ответах «да», которые в конечном, т.е. выводном, заключительном итоге прагма-семантически транспонируются или функционально переходят в убедительное «нет») образуется *атакующий коммуникативный эффект «сдвоенного центра»*, в котором новое ответное «да» семантически прирастает содержанием

ответного действия и интенционально переносится в предыдущее, но уже в двойне усиленное «нет».

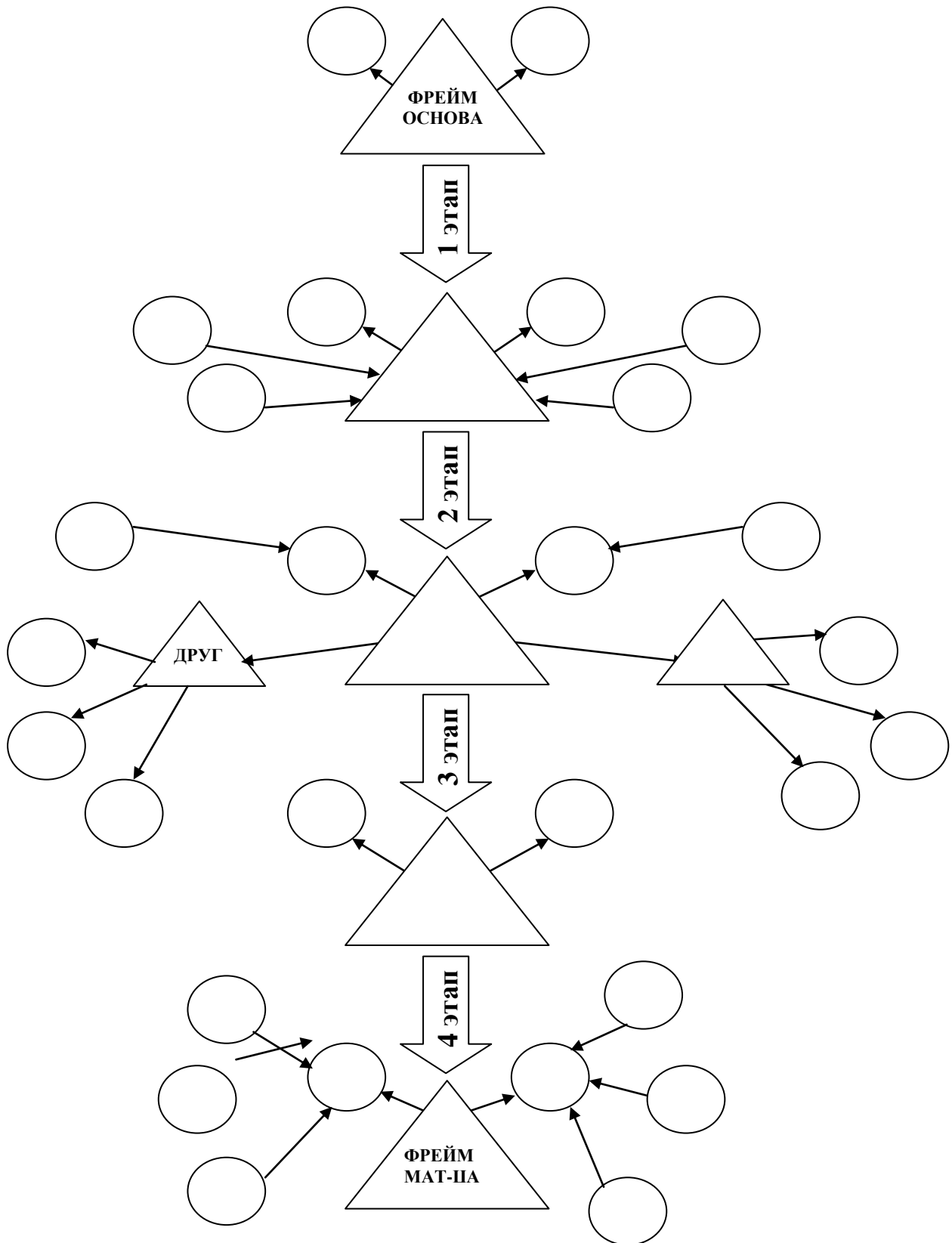
Таким образом, с точки зрения коммуникативной реализации разновидности информационного «вброса» третьего этапа «Панамских бумаг» конструктивно осуществляются по одному и тому же изначально выбранному типу (образцу) «маточной» или базовой фреймовой организации, построенной на основе формального матричного конструирования и реализуемой с учетом ряда функциональных постулатов или условий, а именно постулатов 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, предложенных в работе (Романов, Романова, Морозова, 2015a), посвященной специфике «спин-докторинговых игр» медийными сообщениями вербального и невербального плана. Такие «игры» спин-док-тора – инициатора «информационных вбросов» способны приобретать «пред-почтительный смысл», реализуемый спин-докторинговыми «поворотами информации» в нужном для себя направлении, в которых «спин-доктор» (т.е. продюцент, инициатор или бенефициар) как участник медийных коммуникативных «поворотов в нужном для себя направлении» предпочитает семиотически кодировать вербальные и невербальные сообщения с собственными идеологическими целями, манипулируя языком и медиа-средствами.

Анализируя особенности коммуникативной реализации разновидностей информационного «вброса» третьего этапа описываемой концентриальной кампании, справедливо отметить функционально-семантические свойства используемой «дефензивной стратегии», способной реализовывать свой комбинационный потенциал, раскрывающий специфику её применения как для отражения тематического пространства информационных атак, так и для использования ответного информационного наступления в рамках того же (т.е. заявленного спин-доктором) тематического пространства.

К числу подобных двойственных по своей функциональной природе комбинированных стратегий можно также отнести и такие сетевые типы

спин-докторингового медийно-манипулятивного воздействия как *кибербуллинг, кибермоббинг, троллинг, флейминг*, представляющие соответствующие акты вербально-комбинационной агрессии от необоснованной, неаргументированной и немотивированной критики, систематической травли, подначивания, подстрекательства, провоцирования, высмеивания до откровенного запугивания, подтасовок, лжи, угроз и т.п., которые в пространстве информационного противоборства наряду с классами комплексной (или гиперкоммуникативной) консциентальной дискурсии способны также образовывать классы комплексной контрдискурсии (Романов, Романова, 2017б).

Схематически процесс спин-докторинговой реализации медийных «игровых» сообщений можно представить в виде дерева каузативно - терминальных, слотовых и субслотовых матричных связей, согласно которым смысловая «игра» может начинаться либо *(а)* с *уровня оценки* в положительном (+) или негативном (–) плане какой-то *одной* (т.е. отдельной) *слотовой информации* или отдельного слотового содержания), либо *(б)* с *уровня оценки* в положительном (+) или негативном (–) плане информационного пространства *нескольких слотов*, либо *(в)* с *уровня оценки* в положительном (+) или негативном (–) плане более *крупного* порядка – фреймовых и межфреймовых (*гиперфреймовых*) конфигураций (т.е. объединений):

Настойчивая информационная компания «Панамагейт», изначально направленная против двухсот известных политиков, известных спортсменов, актеров и более десятка глав государств из разных стран мира, была

усилиями заказчика («спин-доктора», «режиссера», бенефициара) сведена, главным образом, к актуализации в массовом сознании адресата базового фрейма «Президент РФ» и контр-фрейма «Враги России» с ведущим смысловым блоком – нанести «информационный удар по России с целью дестабилизировать обстановку в стране», оставляя за пределами обсуждаемого тематического пространства факты о других упомянутых политиках из европейских и азиатских стран и таким образом намеренно сужая фреймовое пространство конусообразно до терминальных узлов «Россия» и «Российский президент» (о векторах конусной направленности в сторону сужения или расширения туннельного пространства см.: Романов, 2016а; 2017б; Романов, Романова, 2017; 2017а; Romanov, Romanova, 2017).

Реализуемый набор дискурсивных стратегий конусного «поворота» терминальных узлов в сторону сужения (блокировки) или расширения («вирусного, регулятивно-меметического» внедрения) не остался незамеченным для информационного пространства и был активно использован «режиссерами» «вбросов», на что указывают многочисленные материалы в мировых массмедиа, осуществивших попытку вывести обсуждение за рамки двух указанных фреймовых пространств в более широкое тематическое пространство «Коррупция» и «Преступление» для интенсификации подрывного воздействия имиджевых параметров российского Президента в частности и страны в целом. И в этом плане концентрированные кампании, раскручиваемые в медиасфере по образцу (модели, схеме) информационных «вбросов» под названием «Панамские бумаги», являются частью более широкого и объемного понятия, трактуемого как «имиджевые войны»..

Применение спин-докторинговых технологий во время информационной атаки «Панамагейт» показывает, что при последовательном прохождении всех этапов запрограммированного воздействия и перманентном «удерживании» в медиа-пространстве изначально заданного провокативного содержания слотовых тематических пространств

использование оборонительного потенциала дефензивных (ответных) стратегий позволяет эффективно блокировать создание «сильных» vs «слабых» социальных связей на территории потенциального противника, ослаблять их и последовательно противодействовать внедрению «фейковой» информации в концентрированную сферу массового адресата, отражая её распространение в медиасфере соответствующими коммуникативными технологиями.

Ссылки – References in Russian

Бахтин, 1930 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990.

Волошинов, 1930 – *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Ленинград: Прибой, 1930.

Выготский, 1982 – *Выготский Л.С.* Инструментальный метод в психологии // *Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. С. 103–108.*

Выготский, 1984 – *Выготский Л.С.* Младенческий возраст // *Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. С. 269–317.*

Лукиан, 1991 – *Лукиан из Самосаты.* Избранная проза. Пер. с древнегреч. М., 1991.

Маклюэн, 2004: 101 – *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.

Маклюэн, 2004 – *Маклюэн М.* Средство само есть содержание // *Информационное общество. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 341–349.*

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988.

Романов, 1991 – *Романов А.А.* Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1991. С. 82–100.

Романов, 2002: 67-68 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика: функциональный подход. Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; ТГСХА, 2002.

Романов, 2004 – *Романов А.А.* Суггестивная модель речевого общения: Манипуляция или игра со смыслами? // *Нотомендах / Человек лживый.* Межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. проф. А.А. Романов. Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; ТГСХА, 2004. С. 3–26.

Романов, 2014 – *Романов А.А.* Стратегическая разновидность мелодийного воздействия в психотерапевтической коммуникации // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 2014. № 3. С. 29–52.

Романов, 2015 – *Романов А.А.* Тактическая реализация коммуникативных стратегий в мелодийной психотерапии. Статья первая // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 2015. № 2. С. 25–55.

Романов, 2015а – *Романов А.А.* Тактическая реализация коммуникативных стратегий в мелодийной психотерапии. Статья вторая: Продолжение // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 2015а. № 3. С. 35–58.

Романов, 2015б – *Романов А.А.* Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда // *Language, Communication and Social*

Environment. Ежегодное международное издание. Вып. 13. Воронеж: Наука-Юнипресс; Воронежский гос. ун-т, 2015б. С. 88–119.

Романов, 2016 – *Романов А.А.* Механизм распространения «вирусных» идей в инфосфере регулятивно-меметической реальности // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 2. С. 1–19. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, 2016а – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016а. № 4. С. 1–35. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, 2016б – *Романов А.А.* Бенефициарные смыслы в информативной медиа-сфере // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Сб. научн. трудов XVI Международной научно-практич. конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 2016б. С. 221–227.

Романов, 2016в – *Романов А.А.* Регулятивная разновидность распространения «вирусной» информации в медиа-сфере // Агропродовольственный сектор экономики страны в условиях глобализации и интеграции. Сб. научн. трудов по материалам Международной научно-практич. конф. 7–9 июня 2016 г. Тверь: ТГСХА; ЦН и ОТ, 2016в. С. 424–435.

Романов, 2017 – *Романов А.А.* Специфика внедрения «вирусной» информации в инфосферу // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи. Материалы Международн. научн. конф. Минск (Беларусь) 10-11 мая 2017 г. Минск: Минский гос. лингвист. ун-т, 2017. С. 81–83.

Романов, 2017а – *Романов А.А.* Роль дигитальной коммуникации в медийном пространстве информационного общества // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017а. № 1. С. 1–20. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, 2017б – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной

практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017б. С. 205–214.

Романов, Малышева, 2015 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Манипулятивная коммуникация в системе сетевых «информационных войн» // Жизнь языка в культуре и социуме –5. Материалы междунаrodn. научн.й конф. М.: Канцлер, 2015. С. 225–226.

Романов, Малышева, 2016 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Семантическое манипулирование как форма сетевого воздействия // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Научный ред. А.В. Рудакова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2016. Вып. 3. С. 166–169.

Романов, Малышева, Новоселова, 2014 – *Романов А.А., Малышева Е.В., Новоселова О.В.* Спин-докторинговая реализация «принципа каузальной последовательности» ментальных репрезентаций в структуре фреймовой конфигурации // Актуальнойей проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Междунар. научн. семинар. Часть I. Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. С. 158–164.

Романов, Немец, 2006 – *Романов А.А., Немец Н.Г.* Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2006.

Романов, Романова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. 2015. № 2. С. 1–31. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2015а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. 2015а. № 3. С. 1–16. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2016 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметико-регулятивная реальность как психолингвистический феномен // Мир

лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 1. С. 1–14. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2017 - *Романов А.А., Романова Л.А.* Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 1–32. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2017а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья первая: «Окно» дискурса как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017а. № 3 (49). С. 1–35. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2017б – *Романов А.А., Романова Л.А.* Консциентальная дискурсия и контрдискурсия в информационном противостоянии // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: сб. науч. работ (по материалам международной научно-практической конференции, НИУ «БелГУ», 4-7 октября 2017 г.) / под ред. А.В. Полонского и др. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 134–144.

Романов, Романова, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Нарративный метод спин-докторинговой коммуникации со слотами фреймов // Языковой дискурс в социальной практике: сб. научн. трудов Международн. научно-практич. конф. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2015. С. 251–258.

Романов, Романова, Морозова, 2015а – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и

коммуникации: электронный научный журнал. 2015а. № 2. С. 1–31. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, Морозова, 2015б – Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Медийный опрос как технологический приём спин-докторинговой манипуляции (на материале дискуссии опроса, проведенного 26 января 2014 года телеканалом «Дождь») // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015б. № 5. С. 19–41. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, Новоселова, 2015 – Романов А.А., Романова Л.А., Новоселова О.В. Конструирование медийных смыслов информационного противостояния // Функциональная лингвистика: VII-й Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Ялта, 5-8 октября, 2015. Сб. научн. докладов. Симферополь: ООО «Форма», 2015. С. 284–287.

Романов, Романова, Новоселова, 2016 – Романов А.А., Романова Л.А., Новоселова О.В. Инфосфера как новая регулятивно-меметическая «сетевая территория» // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II-ая Международная научно-практич. конф.: Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 81–96.

Романов, Черепанова, 1998 – Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. Тверь: Изд-во ГЕРС; ТГСХА, 1998.

Романов, Черепанова, 1999 – Романов А.А., Черепанова И.Ю. Суггестивный дискурс в библиотерапии. М.: Лилия ЛТД; ТГСХА, 1999.

References

Arquilla, J., Ronfeldt, D. (1993) *Cyberwar is Coming! // Comparative Strategy 12* (April-June), pp. 141–165.

Arquilla, J. (1994) *The Strategic Implications of Information Dominance // Strategic Review 22*, no. 3 (Summer), pp. 24–30.

Arquilla, J., Ronfeldt, D. (2001) *Emergence and influence of the Zapatista social netwar // Ronfeldt D., Arquilla J. (Eds.) Networks and netwars: The future of terror, crime, and militancy*, Santa Monica, CA: RAND, pp. 171–199.

Bahtin, M. (1990) *Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*, 2 nd ed. M., Art. lit. (in Russian).

Voloshinov, V. (1930) *Marxism and the Philosophy of Language*, Leningrad, Priboj (in Russian).

Lukian iz Samosaty, (1991) *Selected Prose*, M (in Russian).

Makljuven, G. (2003) *Media Understanding: External Human Expansions*, M., Zhukovskij, «KANON-press-C., «Kuchkovo pole» (in Russian).

Makljuven, M. (2004) *The tool itself is the content // Information Society*, M., OOO «Izdatelstvo AST», pp. 341–349 (in Russian).

Nye Joseph S. (2004) *Soft power. The Means to success in world politics*, New York, Public Affairs Group.

Romanov, A. (1988) *System analysis of regulatory means of dialogical communication*, M., In-t jazykoznanija AN SSSR, Kalininskij SHI (in Russian).

Romanov, A. (1991) *Illocutionary knowledge, illocutionary actions and illocutionary structure of a dialogical text // Text in communication*, M., In-t jazykoznanija AN SSSR, Kalininskij SHI, pp. 82–100 (in Russian).

Romanov, A. (2002) *Political linguistics: a functional approach*. Moskva-Tver, In-t jazykoznanija RAN, TGSHA (in Russian).

Romanov, A. (2004) Suggestive model of speech communication: Manipulation or play with meanings? // *Homo mendax / The man lying*. Moskva-Tver: In-t jazykoznanija RAN; TGSHA, pp. 3–26 (in Russian).

Romanov, A. (2016) Beneficial meanings in the informative media sphere // *Intercultural communication: theory and practice. Sat. scientific. works of the 16th International Scientific and Practical. Conf. "Linguistic and cultural traditions and innovations"*, Tomsk: Izd-vo Tomskogo politehn. un-ta, pp. 221–227 (in Russian).

Romanov, A. (2016) Regulatory variety of distribution of "viral" information in the media sphere // *Agro-food sector of the country's economy in the context of globalization and integration. Sb. nauchn. trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-praktich. konf. 7–9 ijunja 2016 g., Tver, TGSHA, CNI OT*, pp. 424–435 (in Russian).

Romanov, A. (2016) The mechanism of propagation of "viral" ideas in the infosphere of regulative-memetic reality // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal. № 2. P. 1–19*. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A. (2017) Specificity of introducing "virus" information into the infosphere // *Explicit and implicit in language and speech. Materials International. scientific. Conf. Minsk (Belarus') 10-11 maja 2017 g., Minsk: Minskij gos. lingvist. un-t*, pp. 81–83 (in Russian).

Romanov, A. (2017) The role of digital communication in the media space of the information society // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal. № 1. P. 1–20*. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov A. (2017) «The window of discourse »as a technology of changing the idea of reality // *The language discourse in social practice: materialy Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Tver, Tver. gos. un-t*, pp. 205–214 (in Russian).

Romanov, A., Cherepanova, I. (1998) *Language suggestion in pre-election communication*, Tver, Izd-vo GERS, TGSHA (in Russian).

Romanov, A., Cherepanova, I. (1999) *Suggestive discourse in bibliotherapy*, M., Liliya LTD, TGSHA (in Russian).

Romanov, A. (2014) A Strategic variety of melody effects in psychotherapeutic communication // *Bulletin of Tver State University, Ser., Pedagogy and Psychology*, № 3, pp. 29–52 (in Russian).

Romanov, A. (2015) Tactical realization of communicative strategies in melolia psychotherapy. The first article // *Bulletin of Tver State University, Ser., Pedagogy and Psychology*, № 2, pp. 25–55 (in Russian).

Romanov, A. (2015) Tactical realization of communicative strategies in melolia psychotherapy. The second article: Continuation // *Bulletin of Tver State University, Ser., Pedagogy and Psychology*, № 3, pp. 35–58 (in Russian).

Romanov, A. (2015) Spin-doktorin implementation of mental representations in Internet communication // *Language, Communication and Social Environment*, Ezhegodnoe mezhdunarodnoe izdanie, Vyp. 13, Voronezh, Nauka-Junipress, Voronezhskij gos. un-t , pp. 88–119 (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E., Novoselova, O. (2014) Spin-doktoring implementation of the "principle of the causal sequence" of mental representations in the structure of the frame configuration // *Actual problems of modern medialogistics and media criticism in Russia and abroad*. Mezhdunar. nauchn. Seminar, Chast I, Belgorod, NIU «BelGU», pp. 158–164 (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E. (2015) Manipulative communication in the system of network "information wars" // *Life of language in culture and society -5. Materialy mezhdunarodn. nauchn.j konf*, M.: Kancler, pp. 225–226 (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E. (2016) Semantic manipulation as a form of network impact // *Psycholinguistics and lexicography: Sat. scientific papers / Scientific ed. A.V. Rudakova*, Voronezh, publishing house "Origins", Issue. 3, pp. 166-169 (in Russian).

Romanov, A., Malysheva, E. (2016) Political language in internet communication // *The V International Academic Congress "Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries" (United Kingdom, Cambridge, England, 14-16 October 2015)*, Papers and Commentaries, vol. II, Cambridge, Cambridge University Press, pp. 152–158.

Romanov A., Malysheva E., Romanova L. (2017) Frame representation of verbal-tactile composite in English dialogue // *Language and Literature*, Issue 4 (2), vol. 26, p. pp. 647–653.

Romanov, A., Novoselova, O. (2014) Communicative space of the composite threat-performatives // *Journal of Language and Literature*, vol. 5, No.4, pp. 100–103.

Romanov, A., Nemeč N. (2006) *Discourse of consolation: Linguopsychological analysis*, M., In-t jazykoznanija RAN, Tverskaja GSHA (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L. (2012) Mimesis and performative knowledge of use social practices in the communicative space homo loquens // *Interdisciplinary Researches in The 21-st Century: Creation and Creativity in a modern European education. Conference Proceedings*, Oradea, Editura universității Emmanuel in Oradea (Romania), 2012, pp. 322–325.

Romanov, A., Romanova, L. (2015) Frame matrix of spin-doctoring design of meanings in the system of public communications // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. p. 1–31. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L. (2015) Memetic mechanism of designing media meanings of information confrontation // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 3. P. 1–16. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L. (2016) Memetico-regulative reality as a psycholinguistic phenomenon // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 1. P. 1–14. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L. (2017) Communicative construct as “tunnel window” of media discursive reality // *“Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries”*. *The VII International Academic Congress (United Kingdom,*

Cambridge, England, 26-28 February 2017), Papers and Commentaries, Vol. VII, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 512–518.

Romanov, A., Romanova, L. (2017) *Conscital discourse and counter-discourse in the information confrontation // Discourse and media criticism of the mass media: coll. sci. works (based on the materials of the international scientific-practical conference, НИУ «БелГУ», 4-7 октября 2017 г.) / pod red. A.V. Polonskogo i dr., Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», pp. 134–144 (in Russian).*

Romanov, A., Romanova, L. (2017) Functional specificity of the "fan shift" of the window of discourse in the informative and consciantal campaign. The first article: "Window of discourse" as a complex technology of informative spin-doctoring impact // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal. № 3 (49). С. 1–35. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).*

Romanov, A., Romanova, L., Morozova, O. (2015) Narrative method of spin-doctoring communication with frame slots // *Language discourse in social practice: coll. scientific. works of the International. scientific and practical. Conf., Tver, Tversk. gos. un-t, pp. 251–258.*

Romanov, A., Romanova, L., Morozova, O. (2015) Frame matrix of spin-doctoring design of meanings in the system of public communications // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal. № 2. P. 1–31. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).*

Romanov, A., Romanova, L., Morozova, O. (2015b) Media survey as a technological method of spin-doctoring manipulation (based on the discussion of a poll conducted on January 26, 2014 by the television channel Dozhd) // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal. № 5. P. 19–41. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).*

Romanov, A., Romanova, L., Novoselova, O. (2015) Designing media meanings of information confrontation // *Functional linguistics: VII-th International Crimean Language Congress "Language and Peace", Jalta, 5-8*

oktjabrja, 2015, Sb. nauchn. dokladov. Simferopol: OOO «Forma», pp. 284–287 (in Russian).

Romanov, A., Romanova, L., Novoselova, O. (2015) Communicative Construct of the Composite Threat performatives // *Procedia: Social and behavioral Sciences. XV International Conference “Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations”*, Issue 206, LKTI 2015, 9–11 November 2015, Tomsk, Russia, pp.71–75.

Romanov, A., Romanova, L., Novoselova, O. (2016) Infosphere as a new regulatory-memetic "network territory" // *Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education: II International Scientific and Practical. Conf. : Actual problems of modern medialogistics and media criticism in Russia and abroad*, Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU, pp. 81–96 (in Russian).

Vygotskij, L. (1982) Instrumental method in psychology // *Collected works: in 6 volumes, T. 1, Questions of theory and history of psychology*, M., Pedagogika, pp. 103–108 (in Russian).

Vygotskij, L. (1984) Infant age // *Collected works: in 6 volumes. 4. Child Psychology* / Pod red. D.B. Jelkonina, M., Pedagogika, pp. 269–317.